

ИЗЪ КНИГИ БЫТІЯ МОЕГО.

Порфірія Успенскаго *).

Не люблю крапивы. Люблю цвѣты.

(„Книга бытія моего“, т. VIII, стр. 538).

Первое пребываніе Порфірія въ Іерусалимѣ продолжалось до 7 Августа 1844 г. Все это время имъ было употреблено на подробное изученіе Палестины.

Въ числѣ различныхъ, посѣщенныхъ имъ мѣстностей, Порфірій останавливался въ Хевронѣ. Послѣ осмотра этого города, онъ пишетъ: „Утромъ въ 7 часовъ мы выѣхали изъ узкихъ воротъ Хеврона въ сопровожденіи двухъ вооруженныхъ людей, отправленныхъ мусселимомъ, и потянулись одинъ за другимъ въ сѣверо-западномъ направленіи къ Бет-Жибрину, древнему Бетогабрису или Римскому Елевтерополису, котораго положеніе и развалины хотѣлъ я видѣть. Налѣво отъ дороги виденъ дубъ Мамврійскій, и я еще разъ любовался его трисоставною густою зеленью и молилъ Бога Авраамова, да благословитъ мое странствіе и да пошлетъ намъ ангела-водителя и хранителя отъ всякаго зла и лихого человѣка. Скоро священный дубъ скрылся за возвышеніемъ, на которое мы взобрались. Почти ровная горная высь представилась взору, и мы ровно часъ ѣхали по ней до первой долины, спускающейся къ ровному полю, прямо на Западъ. Во все это время насъ занималъ своимъ враньемъ проводникъ, котораго я взялъ изъ Іерусалима для всего путешествія,—чистый Египтяинъ, цвѣтомъ лица и душою, бронзовый, безбородый, кровожадный, впрочемъ услужливый. Онъ не любитъ Евреевъ. Однажды, говорилъ онъ, на дорогѣ изъ Табаріи въ Сафадъ, я съ тремя товарищами своими напалъ на безоружныхъ Жидовъ и ихъ женъ, которыхъ было душъ съ 10. Мы потаскали ихъ съ верблюдовъ, отняли у нихъ все, что они имѣли, и пустили ихъ

*) Об. прокуроръ Св. Синода графъ Протасовъ устроилъ поѣздку архимандрита Порфірія въ Турцію для освѣдомленія о состояніи въ ней Православія. П. Б.

голыми. Жидовки кричали „а-я-я-й“ и заливались горячими слезами, а намъ весело было смотрѣть на нихъ и слушать ихъ визгъ. Порядочную добычку получили мы и промотали. Я не знаю, продолжалъ разбойникъ, за что султанъ терпитъ этотъ народъ. Я давнымъ давно изрѣзалъ бы всю Іегуду и дѣтей ихъ разбилъ бы о камень. Когда-нибудь я непременно убью ихъ стараго учителя, да одну Іудейку молодую и двухъ или трехъ Іегуденятъ, и потомъ пойду въ Мекку на богомолье. Вѣдь всякому изъ насъ хочется быть въ раю. А какъ мнѣ попасть туда? Я сдѣлаю лѣстницу изъ труповъ Іегудейскихъ“. — „Да за что ты ненавидишь этотъ народъ?“ спросилъ его о. Григорій, который и переводилъ мнѣ его буйныя рѣчи съ Турецкаго языка. — „Какъ за что? Они хитрые люди, разбойники, обманываютъ нашего брата. Когда-нибудь я отмщу имъ, разолью кровь ихъ по дорогѣ, разбросаю плоть ихъ по каменьямъ“.

Мнѣ страшно стало. Сердце мое дрогнуло. „Вотъ какого проводника далъ мнѣ паша Іерусалимскій“, думалъ я, и сотворилъ святую молитву: „Господи, помилуй Евреевъ“. — „А знаете ли, за что сердить онъ на Евреевъ, сказалъ одинъ Хевронскій проводникъ. Вчера онъ былъ съ нами въ кофейнѣ. Собралось туда же нѣсколько Жидовъ, и они смѣялись надъ его сивою лошадекою, у которой, какъ видите, только кожа да кости. Стыдно пашинскому воппу, говорили они ему, ѣздить на такой клячѣ; она годится лишь для Еврея; и шуткою просили его продать имъ лошадеку. Онъ разсвирѣпѣлъ на нихъ, какъ левъ, и изрубилъ бы какогонибудь Жида, если бы мы не удержали его и не выгнали Евреевъ изъ кофейни. Вотъ за что онъ злится на нихъ“. Всѣ мы засмѣялись, а онъ продолжалъ дышать злобою и мщеніемъ на нихъ. Жалки и чудны эти Евреи. Всѣ народы не терпятъ ихъ, а они живутъ между всѣми народами. Мои проводники ни за что въ свѣтѣ не хотѣли ѣсть Жидовскаго хлѣба, которымъ я запасаю въ Хевронѣ, хотя этотъ хлѣбъ былъ очень хорошъ и вкусенъ. Даже патриаршій кавасъ, православный Христіанинъ, во все пребываніе мое въ Хевронѣ, не дотронулся ни до хлѣба, ни до кушанья, изготовленнаго Жидовскими руками. Это Азіатское остервенѣніе вѣры противъ вѣры поразило меня. Какія сильныя страсти, какія нескоренимыя предубѣжденія у восточныхъ жителей, думалъ я. Магометане, Іудеи, Христіане чуждаются другъ друга, считаютъ нечистыми другъ друга и боятся даже прикосновенія взаимнаго. На почвѣ восточной вырастаютъ огромныя деревья, горятъ вулканы, бьютъ горячіе ключи, дуетъ жгучій самумъ, течетъ въ жилахъ горячая кровь; мудрено ли, что кипятъ здѣсь страсти, каменѣютъ предразсудки, уродуются понятія?

По прошествіи часа пути, мы стали спускаться въ долину, ведущую почти прямо къ Бет-Иибрину. Эта долина не имѣетъ своего имени. Ее скорѣе можно назвать горною ложиною, чѣмъ долиною, ибо она узка и индѣ переходитъ въ ущеліе.

Послѣ обѣда мы отдохнули. Направо и налево, вдоль по крѣпостному рву, въ которомъ мы сидѣли, видѣлись развалины и манили меня къ себѣ. Развалины весьма привлекательны и поучительны. Целые свидѣтели отжитаго людьми быта и страданія, онѣ связываютъ прошедшее съ настоящимъ, занимаютъ наблюдателя своими особенностями, невидалью, заставляютъ его гадать, припоминать, сравнивать минувшее съ преходящимъ. Кто видѣлъ двѣ-три различныя развалины, тотъ пожелаетъ видѣть всѣ. Не великое дѣло спрашивать живыхъ людей о быломъ; но допросить камни нѣмые, услышать ихъ отвѣтъ, узнать ихъ хозяина, значеніе и назначеніе,—вотъ мудрость, и вотъ наслажденіе. Люди лгутъ, камни говорятъ правду. Люди умираютъ, развалины переживаютъ тысячелѣтія. Между людьми живешь настоящимъ; ходя по развалинамъ, живешь прошедшимъ, и какимъ иногда? Напр.: цѣлый Римскій міръ вмѣщается въ душу. Въ виду моемъ были развалины Римскія“.

Не смотря на сильное утомленіе, Порфирій осмотрѣлъ эти развалины, при чемъ проводникъ сказалъ, что здѣшній шейхъ нашелъ въ развалинахъ какія-то бумаги и сжегъ ихъ. „Варваръ! Вандалъ! Сей грѣхъ не простится ему ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій. Это грѣхъ противъ науки, противъ знанія. А знаніе есть отблескъ всевѣднія Божія, слѣдовательно—это грѣхъ и противъ самого Бога и Духа Святого“.

По пріѣздѣ въ Аскалонъ Порфирій сѣлъ на зыбучемъ пескѣ, засыпаншемъ высокую стѣну подлѣ разрушенной башни. Солнце еще не взошло; утренняя тонкая свѣтотемь покрывала обширныя развалины, какъ кисея закрываетъ трупъ изношенной женщины. Ничѣмъ не возмущаемая тишина царствовала и въ поднебій Аскалона, и на его морѣ, и мнѣ казалось, что я сидѣлъ на верховьѣ огромной провалившейся могилы, въ которой время истлило и кости, и пепелъ, и которую буйныя вѣтры засыпаютъ зыбучимъ пескомъ. Силою воспоминанія я воскресилъ тысячелѣтнюю жизнь Аскалона. Въ одной душѣ моей, какъ въ волшебномъ зеркалѣ, отражались разныя видѣнія и призраки, кои сталкивались, сшибались и разлетались; а другая душа, какъ соглядатай, внимательно созерцала эти видѣнія и эти призраки, и довольна была своимъ созерцаніемъ. Казалось, проходили предо мною Филистимляне

огромные, могучіе; они закутаны были въ мантии, и потому я не могъ разсмотрѣть ихъ обличій, но я слышалъ говоръ ихъ: они все грозили на Евреевъ. Одинъ юноша преслѣдовалъ прекрасную женщину; для спасенія своей чести она бросилась въ море и тотчасъ обратилась въ рыбу. Я вспомнилъ, что это—Деркетто, мать Вавилонской царицы Семирамиды, которой здѣсь посвященъ былъ великолѣпный храмъ. Но кто это грабитъ богатства сего храма?—А! это всесвѣтныя скитальцы, Скифы. При величайшей тишинѣ слышны были два голоса: одинъ неся къ небу, другой съ неба: „Мечу Божій! доколѣ будеши същи? Войди въ ножны твои и упокойся“.—„Какъ ему упокоиться, когда Господь послалъ его противъ Аскалона“. Одинъ изъ разговаривавшихъ былъ невидимъ, а другой носилъ милоть пророческую. На короткое время являлись христіанскіе святители въ митрахъ и воспѣвали Христа; но лишь только умолкли ихъ сладостныя пѣснопѣнія, слышались крики мUEDZиновъ и шопотныя восклицанія: Аллахъ! Аллахъ! А кто это въ царскомъ вѣнцѣ и въ порфирѣ входитъ въ Аскалонъ съ торжествомъ, какъ побѣдитель? Крестносецъ Балдуинъ III. Но мечъ Божій еще не напился крови и не успокоился: онъ опять не разъ посѣкъ жителей Аскалона; и гнѣвъ Божій, наконецъ, расшибъ его крѣпкія стѣны, и уже некому было создать ихъ.

Отдохнувъ немного, я сѣлъ на своего чернаго коня и объѣхалъ кругомъ весь Аскалонъ. Онъ построенъ былъ въ видѣ почти правильнаго четвероугольника и со всѣхъ сторонъ обнесенъ былъ весьма высокими и необыкновенно толстыми стѣнами, башнями, глубокими рвами. У берега морского стѣна придѣлана была къ природной скалѣ, образовавшейся изъ окаменѣлыхъ песочныхъ слоевъ, и понынѣ видны остатки сей стѣны, уже разорванной временемъ, землетрясеніемъ и орудіями людскими. Эти стѣны складены были изъ камней на извести и чистомъ морскомъ пескѣ съ ракушками и пронизана была поперекъ каменными синими колоннами, закладенными въ стѣну въ лежащемъ положеніи, такъ что или цѣлымъ бокомъ колонна выставляется наружу, или только окружіемъ своимъ. Эти колонны едва ли не были отлиты на заводахъ. Огромнѣйшіе куски свалившихся башень торчатъ на берегу, и ни воздухъ, ни вода морская не въ силахъ раздробить ихъ. Съ этой стороны рва не было; не видно также и слѣдовъ пристани; стало быть—Аскалонъ никогда не былъ морскимъ торговцемъ. Прочія стѣны, сѣверная, восточная и южная, построены были на тѣхъ же песочныхъ холмахъ, господствующихъ надъ западною скалою; посему-то эти стѣны кажутся выше западной. Но нынѣ всѣ рвы затянута пескомъ по обваламъ крѣпости; да и уцѣлѣвшіе куски стѣнъ и башень

уже едва видны изъ подъ песку, который здѣсь бугрится по ту и другую сторону стѣнъ, такъ что можно свободно выѣзжать и спускаться туда и сюда. Эти стѣнно-башенные куски, кой-гдѣ торчащіе на трехъ сторонахъ опустѣлаго города, казались мнѣ заржавѣлыми зубцами въ желѣзномъ вѣнцѣ, изъ котораго уже многіе зубцы совсѣмъ вывалились. Стѣны кладены были изъ небольшихъ песочныхъ камней. Думать надобно, что въ основу ихъ положены были огромные камни. Внутри города теперь ничего нѣтъ кромѣ огородовъ, въ которыхъ Арабы разводятъ овощи, поливая ихъ изъ колодцевъ. Среди сихъ огородовъ торчатъ кой-гдѣ камни, куски стѣнъ, фундаменты; но все это не стоить вниманія и не даетъ понятія объ Аскалонѣ. Осмотрѣвъ развалины, я примкнулъ къ своему поѣзду, который ожидалъ меня за деревнею Джарою“.

Совсѣмъ больной Порфирій прибылъ въ Ремлю. Во время обѣда и ужина прислуживалъ имъ Коптъ, нанятый игуменомъ. Онъ наряженъ былъ въ шелковыя платья по случаю вступленія въ законный бракъ съ одною Коптскою вдовою. Въ этомъ нарядѣ онъ будетъ ходить цѣлую недѣлю, а потомъ одѣнется въ лохмотья. Вездѣ человекъ самъ себя обманываетъ! Этотъ Коптъ говорилъ, что въ Египтѣ единовѣрцевъ его довольно много и что у нихъ есть монастыри мужскіе и женскіе. Они владѣютъ монастыремъ Антонія Великаго. А патріаршіи кавасъ Апостоли разсказалъ, какъ онъ, года два назадъ тому, удалствовалъ въ Виелеемской церкви и выгналъ изъ оной Коптовъ. „Въ праздникъ Рождества Христова, во время нашей обѣдни (говорилъ кавасъ) Копты служили въ своемъ придѣлѣ свою обѣдню, и такъ раскричались, что заглушали наше пѣніе и чтеніе. Митрополитъ Виелеемскій два раза посылалъ къ нимъ своего монаха и приказывалъ имъ стихнуть. Сначала они поумолкнуть, а потомъ опять раскричатся; тогда митрополитъ въ третій разъ послалъ меня, и я закричалъ на нихъ, разогналъ ихъ плетью, а сосуды и всѣ облаченія ихъ разбросалъ по полу. Такъ имъ и надобно, прибавилъ онъ: они еретики, служки антихриста!! „Что же митрополитъ похвалилъ тебя за такое святое дѣло?“ спросилъ Порфирій.—„Онъ далъ мнѣ поцѣловать свою руку и былъ доволенъ мною, какъ нельзя лучше“.

„Въ 10 часовъ ночью мы выѣхали изъ Ремли въ Іерусалимъ. За ужиномъ о. Григорій, іеродіаконъ Русской миссіи, разсказывалъ мнѣ, что сегодня послѣ вечерни посѣтилъ его одинъ изъ патріаршихъ пѣвчихъ, молодой и бойкій іеродіаконъ, и говорилъ много невыгоднаго о Россіи, именно: Россія есть страна необразованная, варварская, единственная въ цѣломъ свѣтѣ родина невольниковъ и рабовъ, кото-

рыхъ бьютъ и продаютъ наравнѣ со скотами; Россіею управляетъ не столько царь, сколько вельможи его, и вѣра поддерживается въ ней не епископами, а полуграмотными монахами, живущими въ монастыряхъ; безъ нихъ давно бы узрѣла она свѣтъ истины.

Въ этомъ іеродіаконѣ водятся блохи, сказалъ я о Григорію. Онъ ругаетъ наповаль всѣхъ своихъ епископовъ и монаховъ; онъ не вѣритъ благодатному огню; и откуда бы набраться ему такими завиральными понятіями о Россіи? Отъ него пахнетъ чужимъ душкомъ. Онъ хвалился мнѣ знакомствомъ своимъ съ членами Англиканской миссіи. Понимаю и боюсь. Эти господа успѣли внушить ему невыгодныя понятія о насъ и о нашей вѣрѣ. Грязня насъ, они чернятъ и всю восточную вѣру. Теперь новая мысль блеснула въ моей головѣ, именно: Англиканская миссія постарается потихоньку, понемножку, хитренько подорвать Православіе въ самой патріархіи, въ молодомъ поколѣніи. Хитрая и вѣрная стратегема! Бить въ цѣль, стрѣлять и попадать въ сердце—да это славное удалство!“

14 Мая Порфирій пишетъ: „Богъ удостоилъ меня сегодня отслужить обѣдню въ часовнѣ Гроба Господня вмѣстѣ съ архіепископомъ Газскимъ. Жертвенникомъ служилъ Гробъ, а престоломъ тотъ камень, который отваленъ былъ ангеломъ отъ двери Гроба. На этомъ камнѣ положена была богатая серебряная дска съ прекраснымъ изображеніемъ Снятія со Креста, подъ чернѣю и съ чеканными ликами четырехъ Евангелистовъ по угламъ и другими фигурами и цвѣтами, тоже чеканными. Эта дска пожертвована была Ванькою Мазепою. Вверху оной есть надпись подъ чернѣю Славянскими буквами: „Иждивеніемъ ясневельможнаго Іоанна Мазепы Россійскаго гетмана“, а внизу на Латинскомъ языкѣ: „Sumptu illustrissimi Ducis Iohannis Masepae Rossiae“. Вотъ судьба Мазепы, подумалъ я: въ Россіи его проклинали, а здѣсь молятся о упокоеніи души его и прощеніи и оставленіи грѣховъ его. Не знаю, чтò дѣйствительнѣе передъ Богомъ: наше ли торжественное, всенародное проклятіе, или здѣшнія молитвы. Вѣрно ни то, ни другое. Богъ воздалъ и воздастъ ему по дѣламъ его, а не по нашему хотѣнію“.

23 Мая Порфирій посѣтилъ Армянскаго патріарха Захарію и вель съ нимъ продолжительную бесѣду. Патріархъ горько жаловался на Грековъ. Государь или Сунодъ ежегодно высылаютъ Грекамъ деньги, а онѣ идутъ на подарки Туркамъ, чтобы давить и душить беззащитныхъ Армянъ. Вотъ и теперь не можетъ быть мира съ Вилеємскимъ митрополитомъ—жаловался Захарій: „онъ дѣлаетъ несносныя пакости нашимъ. Напр., во все время нашей службы нарочно прикажетъ

растворить окно въ нашемъ собственномъ придѣлѣ, и для чего же? Для того, чтобы вѣтеръ задулъ наши лампы, или свѣчи, или, когда нѣтъ вѣтру, для того только, чтобы показать намъ, что онъ хозяинъ въ цѣломъ храмѣ. Не обидно ли это? Кто сомнѣвается въ томъ, что онъ хозяинъ храма? Если-жъ мы и постояльцы или наемщики у него, то и въ этомъ случаѣ онъ не долженъ обижать насъ и своевольничать на половинѣ храма, уступленной намъ по волѣ султана. Я непрестано проповѣдую своимъ: терпите ради Христа, Который страдалъ отъ враговъ Своихъ. Но я не въ силахъ сдѣлать своихъ безотвѣтными страдальцами. И они люди, и они имѣютъ свои слабости, свои страсти и свое разсужденіе о томъ, что право и что не право. Греки въ Виѳлеемскомъ храмѣ имѣютъ нѣсколько входовъ и выходовъ, какъ это вамъ извѣстно, а намъ не дозволяютъ имѣть ключа даже отъ дверей, ведущихъ въ собственный нашъ придѣлъ. И этого мало. Когда у насъ идетъ служба и когда мы застелемъ полъ цыновками и коврами, по нашему обычаю, тогда Виѳлеемскій митрополитъ запретъ все прочія двери и пускаетъ богомольцевъ черезъ нашъ придѣлъ; они топчутъ и грязнятъ наши ковры, мѣшаютъ богослуженію, кричатъ, шумятъ, толкаютъ нашихъ, стоящихъ на колѣняхъ. Не обидно ли это? Главный большой куполь храма, какъ вы видите, протекаетъ; мы и католики предлагаемъ Грекамъ свои пособія для починки его; они не хотятъ нашихъ денегъ, отвергаютъ насъ. А мы имъ не уступаемъ, и вотъ Турки наживаются деньгами, которыя мы собираемъ, случается и съ Русскихъ подданныхъ. Голгоѳа издревле принадлежитъ намъ; но Греки насъ вытѣснили оттуда, и мы не можемъ тамъ священнодѣйствовать; по древнему обычаю, только посылаемъ туда свѣчу въ каждую Пятницу, да и ту не сами зажигаемъ. Однажды я взошелъ на Голгоѳу почти въ концѣ обѣдни Греческой, вотъ подошелъ ко мнѣ монахъ съ тарелкою. Я не далъ ему ни парички и сказалъ: деньги вы любите собирать и на Голгоѳѣ, а пустить, такъ не пускаете насъ сюда для молитвы. Монахъ отвернулся и заворчалъ на меня“.

—Васъ не пускаютъ на Голгоѳу; какъ же Копты и Абиссинцы служили тамъ ночью, въ Пятницу, на великую Субботу? Я видѣлъ и слушалъ ихъ. — Не можетъ быть, отвѣчалъ патріархъ. — Я васъ увѣряю. — Я вамъ удивляюсь. — Можетъ статься, это были Уніаты?

„Ужасная вѣсть (заноситъ 25 Мая Порфирій въ свой дневникъ) пронеслась сегодня по городу. Въ храмѣ Гроба Господня найденъ мертвый, новорожденный ребенокъ, брошенный неизвѣстно кѣмъ въ нужномъ мѣстѣ. Турки узнали объ этомъ и производили слѣдствіе, но виновница или виновникъ не открыты. Думать надобно, что ребенокъ

или родился тайно въ жилыхъ комнатахъ монаховъ Греческихъ, или Армянскихъ, или Католическихъ, или подброшенъ былъ къ виновнику его жизни; но для сокрытія преступленія задушенный былъ брошенъ въ нечистое мѣсто. Боже великій, какъ слабъ человѣкъ! И Гробъ возлюбленнаго Сына Твоего не вразумляетъ его, и подлѣ Святаго Гроба сего человѣкъ готовъ сдѣлать ужасныя преступленія... Бросаю перо. Завтра поѣду молиться въ Саввинскій монастырь. Эту вѣсть подтвердилъ и Петро-Аравійскій митрополитъ Мелетій, котораго я навѣстилъ сегодня вечеромъ.

Рано утромъ (продолжаетъ Порфирій 5 Юня) я отслужилъ обѣдню въ малой церкви, устроенной въ келии преподобнаго Іоанна Дамаскина и освященной во имя его, и послѣ обѣдни паннихиду за упокой своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ на гробѣ Св. Саввы. Потомъ посѣтилъ Русскаго архимандрита Арсенія, который года четыре живетъ здѣсь безвыходно или, точнѣе сказать, содержится, какъ невольникъ. Кстати здѣсь рассказать кратко исторію его жизни.

Онъ родился въ старомъ Черкасѣ на Дону отъ благородныхъ родителей. Какъ казакъ, какъ природный воинъ, онъ отбывалъ военную службу и получалъ ордена. Послѣ отставки ему захотѣлось сходить на богомолье въ Іерусалимъ и въ св. гору Аѳонскую. Сія гора показала ему раемъ, онъ постригся въ монахи въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей и вскорѣ посвященъ былъ въ іеромонаха. Отсюда увлекло его желаніе служить при Гробѣ Господнемъ. Когда сгорѣлъ храмъ Воскресенія и когда обновленіе его, по разнымъ обстоятельствамъ и препятствіямъ, ввело святогробское братство въ неоплатные долги, тогда іеромонахъ Арсеній патріархомъ отправленъ былъ въ Россію за сборами всякихъ подаваній. Богъ благословилъ его прошенія и труды. Въ Москвѣ и Петербургѣ онъ собралъ множество вещей, потребныхъ для церкви, и болѣе 100,000 рублей ассигнаціями. Этого мало: будучи знакомъ съ любимымъ кучеромъ покойнаго императора Александра I, какъ съ землякомъ, онъ успѣлъ посредствомъ его подать лично прошеніе сему государю объ учрежденіи Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, и въ своемъ прошеніи указалъ на одну упраздненную церковь подлѣ Арбатскихъ воротъ, которую и умолялъ обратить въ подворье съ прилегающею къ ней землею. Прошеніе его было исполнено тѣмъ скорѣе, что Арсеній успѣлъ напомнить Государю, что по отчисленіи Бессарабіи къ Россіи, покойный патріархъ Іерусалимскій подарилъ Русскому царству всѣ имѣнія Гроба Господня, находившіяся во вновь прибрѣтенной землѣ. По словамъ архимандрита Арсенія, сей Государь хотѣлъ вознаградить уступку патріарха инымъ

образомъ, но сперва военныя обстоятельства, а потомъ смерть сего Государя послужили препятствіемъ къ сему благому дѣлу. Архимандритъ Арсеній не только приобрѣлъ, но и устроилъ Іерусалимское подворье, купивъ для него пять доходныхъ домовъ въ Москвѣ. „Богатую пристань завелъ я,—говорилъ онъ мнѣ;—изъ этой пристани святогробцы могутъ высылать свои корабли, т. е. своихъ сборщиковъ по всей Россіи и отправлять въ Іерусалимъ богатыхъ подаянія“. И подлинно, много добра сдѣлалъ о. Арсеній для святогробскаго братства. Къ сожалѣнію, онъ употреблялъ иногда нехорошія средства къ достиженію своей цѣли; за то страдаетъ и понынѣ въ каменномъ горячемъ мѣшкѣ, т. е. въ Саввинскомъ монастырѣ. Онъ обаялъ одну богатую вдовицу въ Москвѣ такъ, что та ради Христа и спасенія души своей продала все свое имѣніе и деньги вручила Арсенію, который обѣщался взять ее съ собою въ Іерусалимъ и тамъ сдѣлать ее игуменьею, поить, и кормить ее до смерти. По обстоятельствамъ, или по нерадѣнію, онъ не могъ исполнить въ скорости своего обѣщанія, и вдовица, оставшись безъ куска хлѣба, подала на него просьбу митрополиту Филарету, въ которой и уличила его въ неустойчивости въ своемъ обѣщаніи и въ хитромъ лишеніи ея всего имѣнія. Вслѣдствіе сей просьбы все имѣніе возвращено было вдовицѣ, а виновный сосланъ былъ въ Суздальскій монастырь, который для монаховъ есть тоже, что Сибирь для мірянъ. Спустя нѣсколько годовъ, онъ покушался убѣжать изъ сего монастыря и уже сталъ перелѣзать черезъ стѣну по веревкѣ, но, какъ на грѣхъ, стѣна оказалась высока, а веревка—коротка. Поболтавшись на воздухѣ, онъ оборвался въ ровъ и повредилъ себѣ ногу, такъ что не могъ встать съ мѣста. Стража тотчасъ замѣтила его и возвратила въ монастырь, гдѣ онъ и лѣчился цѣлый годъ. Хромота доселѣ осталась доказательствомъ его побѣга неудачнаго. Какъ уличенный преступникъ и пойманный бѣглець, онъ оставилъ бы и кости свои въ Суздальскомъ монастырѣ, но патріархъ Іерусалимскій Аѳанасій сжалился надъ нимъ и чрезъ посредство архіепископа Фаворскаго Героея, сбиравшаго милостыню въ Россіи для уплаты долговъ казны святогробской, возвратилъ его въ свою патріархію, не какъ Русскаго архимандрита, а какъ Іерусалимскаго. Но часто случается въ этомъ мірѣ тревожномъ, что человѣкъ избѣгаетъ одной бѣды и нагоняетъ другую. Прибывъ въ Константинополь къ патріарху, онъ сталъ требовать отъ него разныхъ разностей: то половины доходовъ съ Іерусалимскаго подворья въ Москвѣ, то вещей, собранныхъ имъ въ прежніе годы и сильно докучалъ нашей Константинопольской миссіи. Чтобы избавиться отъ хлопотуна, патріархъ польстилъ ему: обѣщался произвести его въ санъ Петро-Аравійскаго митрополита, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ его намѣстникомъ и

вмѣстѣ духовникомъ Русскихъ поклонниковъ, и даже подарилъ ему и служебникъ архіерейскій и отправилъ его въ Іерусалимъ. Нашъ старецъ въ восторгѣ переплылъ бурное море и прибылъ въ Іерусалимъ въ твердой надеждѣ, что онъ будетъ митрополитомъ. Но здѣсь ему сказали, что отъ патріарха получено предписаніе отправить его въ Саввинскій монастырь для вѣчнаго спасенія души и для покоя изнуреннаго трудами тѣла его. Такимъ образомъ о. архимандритъ Арсеній изъ Суздальскаго монастыря попалъ въ Іерусалимскую Сибирь,—въ обитель св. Саввы, гдѣ и проживаетъ уже четыре года безвыѣздно. Ему не позволяютъ выѣхать оттуда даже на поклоненіе въ Виолеемъ и въ Іерусалимъ. Миѣ крайне жаль его. Лишеніе совершенной свободы есть уже крайняя жестокость, обида и черная неблагодарность. О. Арсеній столько добра сдѣлалъ для святогробской братіи и въ возмездіе получилъ неволю, безчестіе и презрѣніе. Онъ вопіетъ на небо; онъ уже не ищетъ никакихъ почестей и желаетъ только, чтобы ему дозволяли свободный выѣздъ изъ монастыря. Но о немъ никто и не думаетъ въ здѣшней патріархіи. Нашъ консулъ Базили презираетъ его. Жаль миѣ его: онъ такой глубокой, изможденный старецъ, жизнь его цѣломудренна и трезвенна; не только вина, даже чаю не пьетъ онъ. Я общался ему ходатайствовать за него предъ оберъ-прокуроромъ Синода и предъ митрополитами и просить ему свободы. Онъ просился было со мною въ Россію, но я рѣшительно отказалъ ему въ этомъ и вразумилъ его, что въ Россіи уже не примутъ его. Тогда онъ просилъ меня исходить за него, по крайней мѣрѣ, свободу въ Палестинѣ. Сердечный, онъ уже немного помѣшался въ умѣ“.

Объ этомъ Арсеніи А. Н. Муравьевъ писалъ, что это былъ первый Іерусалимскій сборщикъ, надѣлавшій много шума въ Россіи около 20-хъ годовъ своимъ страннымъ и небезукоризненнымъ поведеніемъ. Онъ позволялъ себѣ носить бархатную мантию съ золотыми источниками, какъ бы по разрѣшенію патріаршему, устроилъ въ Москвѣ, въ церкви своего подворья, нѣчто въ родѣ часовни Св. Гроба и тѣмъ привлекалъ много народа; съ трудомъ могли выжить его изъ Москвы. Это было причиною того, что послѣ него, въ теченіе многихъ лѣтъ, не хотѣли пускать въ Россію никого изъ восточныхъ сборщиковъ, даже съ трудомъ разрѣшили пріѣхать архіепископу Фаворскому Іероѳею, чтò былъ потомъ патріархомъ Антиохійскимъ. Арсеній впоследствии сошелъ съ ума; онъ выдавалъ себя Русскимъ за нѣкоего князя Бѣлосельскаго *).

*) Письма митрополита Филарета къ А. Н. Муравьеву, стр. 2.

Немало страницъ своего дневника Порфирій отводитъ описанію древняго Вилеема. Поднявшись на возвышеніе, пишетъ ояъ, и проѣхавъ мимо развалинъ церкви, отъ которой удѣляла одна часть алтаря, (по соотвѣтствію величинѣ развалинъ, алтарь безъ сомнѣнія былъ трипостасенъ) я вздохнулъ и не дерзалъ мутить себя тайною воли Бога Неисповѣдимаго, Который попустилъ здѣсь владычествовать Корану, а не Евангелію. Эта тайна ужасно тягостна для сердца, любящаго Евангеліе. Отчего всѣ св. мѣста поруганы, попраны? Этотъ вопросъ мучитъ душу и невѣжды, и мудреца. Изъ этой тьмы лишь одинъ блѣдный и слабый лучъ утѣшенія доходитъ до души и немножко успокаиваетъ ее: „Развалины не скверняютъ св. мѣста; скверняютъ его грѣшныя люди. На св. развалинахъ нѣтъ соблазновъ для поклонника. Вѣтхіе обломки проповѣдуютъ ничтожность всего земного и возводятъ душу къ созерцанію и желанію вѣчности, въ которой нѣтъ уже ни развалинъ, ни гробовъ“.

„На горной выси Св. Земли есть одинъ покатыиый къ Востоку холмъ скалистый, отъ котораго на Югъ тянется лощина-долина и совпадаетъ съ пустынною и дикою дебрию, — Іадъ-ес-Сувениъ (или съ библейскимъ Бетъ-авенъ). На семь-то холмѣ находится Веѣиль, городъ древній и священный. Съ двухъ сторонъ его, восточной и западной, низятся къ Югу лощины, соединяющіяся въ упомянутой мною лощинѣ-долинѣ, а съ Сѣвера торчатъ за нимъ большіе самородные камни странной фигуры. На Востокъ отъ него высятся сѣрые верхи горъ и фантастическій столпъ Веѣильскій“.

„Мимо развалинъ церкви Веѣильской, спустившись въ лощину и потомъ поднявшись на кособорье, скоро мы достигли до Веѣильскаго столпа, который стоитъ на мѣстѣ гораздо вышемъ Веѣиля. Съ благоговѣніемъ ступилъ я на землю, на которой было столько откровеній Божіихъ Аврааму и Іакову. Мнилось, что если-бы послѣ молитвы уснулъ я на одномъ изъ камней, то удостоился бы видѣнія будущей судьбы Палестины“.

Продолжая свое путешествіе, Порфирій остановился въ небольшой Арабской деревнѣ, находящейся въ глубокой долинѣ Эн-Мильхра, между высокими каменистыми горами. Въ ней живетъ 30 семействъ Христіанскихъ и около 150 Магометанъ.

Въ описаніи Іерусалимскаго патріаршаго престола, составленномъ монахомъ Анѣимомъ, сказано, что въ этомъ селѣ церковь построена въ 1836 году, ибо прежняя разрушена. У здѣшнихъ христіанъ нѣтъ своего священника, а служитъ приходящій къ нимъ изъ Рамаллы. Я

пожелалъ видѣть эту церковь; ключи отъ нея имѣла одна Арабка, и она колебалась, пустить ли меня въ церковь или нѣтъ; стыдно,—говорила она въ простотѣ своей,—стыдно показать нашу бѣднѣйшую церковь. Ея простосердечная, невинная стыдливость умилила мое сердце, и я сказалъ ей, что есть на свѣтѣ много богатыхъ церквей, но я хочу помолиться въ ихъ убогомъ храмѣ. Арабка отперла двери; я вошелъ и не понималъ, куда вошелъ. Точно,—недавно построена небольшая четверугольная комната, но въ ней нѣтъ ни алтаря, ни иконостаса и ни одной иконы; вмѣсто престола поставленъ какой-то каменный столбецъ, и на немъ лежатъ грязныя тряпки, коими что-то завернуто; вѣроятно, рукописное Евангеліе; отъ жалости я не хотѣлъ и развертывать ихъ. Сердце мое затрепетало отъ священной ревности по домѣ Божіемъ и отъ священнаго негодованія на патріарха Іерусалимскаго и его намѣстниковъ за ихъ крайнее нерадѣніе о своей паствѣ. Я сравнивалъ стыдливость Арабки съ ихъ безстыдствомъ, и чернота ихъ душъ и черствость ихъ сердецъ ужаснули меня. Но ихъ презрѣніе къ Арабскому племени, рано или поздно, будетъ отмщено. Есть Судья на небесахъ! Между тѣмъ, какъ я молился въ церкви и думалъ горькую думу, собралось нѣсколько женщинъ и дѣтей; мужчины были въ полѣ. Всѣ онѣ подошли къ благословенію, и я, знаменуя ихъ крестомъ, въ тайнѣ души моей молилъ призрѣть на сіе малое стадо и утѣшить оное украшеніемъ ихъ родимаго святилища. По выходѣ изъ церкви я еще разъ полюбовался сосѣдними высотами и садами: въ даль къ Западу извивалась долина и толпились горы, украшенныя древами, какъ кудрями, и озаренныя свѣтомъ солнца, склонявшася къ Западу. На вершинѣ одной горы туманилось селеніе Деръ-Безіо.

Въ другой деревнѣ Биръ-ес-Зегъ, пишетъ Порфирій, намъ при самомъ вѣздѣ попался на встрѣчу молодой священникъ съ трубкою въ рукахъ. Поведи насъ въ церковь,—сказалъ ему Апостоли: вотъ Московскій архимандритъ хочетъ видѣть ее и помолиться въ ней Богу.—Да церковь наша крайне бѣдна и не чиста, отвѣчалъ смущенный пастырь. Апостоли заставилъ его идти куда мнѣ хотѣлось. Пришли. Мати Божія! Ангелы-Свѣты! Церковь есть длинная яма, накрытая изсохшими вѣтвями, свѣту Божія не видно въ ней. Священникъ за-свѣтилъ свѣчку, и я, нагнувшись, полѣзъ въ эту яму. Ничего тамъ нѣтъ: ни иконъ, ни иконостаса, ни утвари, ни ризъ: для обозначенія царскихъ дверей складены изъ камней два кривые столпа и обмазаны глиною пополамъ съ мякиною. Если бы въ этой ямѣ было, по крайней мѣрѣ, подметено, то душа еще не такъ сильно скорбѣла бы о поправномъ величій святыни Господней. Но ея страданіе было невыно-

симо при видѣ ямы, называемой церковію, и ямы нечистой, грязной, и при взглядѣ на бездѣльника, котораго признать священникомъ заставлялъ головной уборъ его. Я скрѣпилъ свое сердце и замолчалъ. „Помолись о мнѣ, отче“, просилъ я попа, давая ему червончикъ вмѣсто милостыни и вышелъ изъ церкви съ растроганною душою. Подлѣ нея конникъ Курдъ, Магометанинъ шумѣлъ и кричалъ на собравшихся Христіанъ и потомъ на самого попа, увѣщевая ихъ подметать свою церковь и содержать ее въ опрятности. Бабы смѣялись надъ нимъ, а съ попа лился градомъ потъ. Я сѣлъ на лошадь и поѣхалъ назадъ въ Джифну. Дорогою горестъ овладѣла моею душою; мнѣ жаль было убогихъ и страждущихъ Христіанъ восточныхъ; жаль было этихъ овецъ, не имѣющихъ пастырей, этихъ людей сидящихъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй. Греческіе архіереи презираютъ ихъ, не думаютъ о нихъ; но воздастъ имъ Господь по дѣломъ ихъ! Рано или поздно грянетъ громъ гнѣва Божія надъ ихъ головами, и молнія сожжетъ ихъ и съ ними всѣ мерзости блудодѣянія, лицемѣрія, корыстолюбія, гордости, немиролюбія, челоуѣкоубійства. Оле пастыри Израилевы!“

По прїѣздѣ въ Іерусалимъ 22 Іюня, Порфірій занесъ въ свой дневникъ такую трагическую исторію.

„Смежно съ Русскимъ Федоровскимъ монастыремъ въ Іерусалимѣ есть высокій каменный домъ. Въ немъ живетъ православный Арабъ Даудъ съ своимъ семействомъ. Онъ содержитъ свой домъ и пропитываетъ себя, жену и дѣтей трудами рукъ своихъ, работая восковыя свѣчи для церквей и для поклонниковъ. Трудъ, воздержаніе, бережливость, честность и богобоязненность составляютъ его богатство; посему онъ пользуется общимъ уваженіемъ и почетомъ въ Іерусалимѣ. Такъ какъ онъ женатъ на Адрианопольской Гречанкѣ, то всѣ дѣти его и самъ онъ говорятъ по-новогречески. Въ прошломъ Апрѣлѣ мѣсяцѣ онъ шумно праздновалъ свадьбу старшаго сына своего; а въ Іюнѣ разстроилась свадьба дочери его и разстроилась непріятнымъ образомъ. Богъ спасъ красоту и невинность отъ жениха-лиходѣя, и спасъ посредствомъ моего недостойнства. Женихъ дочери Дауда, тоже православный Арабъ Іерусалимскій, есть близкій родственникъ герондиссы, т. е. наложницы намѣстника патріаршаго, архіепископа Лидскаго Кирилла. Она-то за сватала свою роденьку за дочь Дауда. Это было года два тому назадъ. Даудъ зналъ отца женихова, какъ добраго христіанина и честнаго челоуѣка, и потому рѣшился отдать дочь свою за сына его, въ той надеждѣ, что онъ пойдетъ по слѣдамъ отца и что при покровительствѣ намѣстника торгъ его и зятя пойдетъ успѣшнѣе. По Арабскому обычаю, женихъ прислалъ своей невѣстѣ брачное вѣно, т. е. платя и

головной уборъ съ грудными украшеніями, состоящими изъ однѣхъ золотыхъ монетъ Турецкихъ, и по временамъ угощаль и отца и мать и родныхъ своей невѣсты. Минуль годъ; насталь другой. Отецъ жениха умеръ, и молодой человекъ сталъ шалить и поведеніемъ своимъ предвѣщаль недобрую участь будущей женѣ своей. Худая молва о немъ не разъ заставляла Дауда задумываться при взглядѣ на милое дитяtko его, которой минуло только что 13 лѣтъ, а мать ея проливала горючія слезы и упрашивала Дауда отказать жениху и отослать ему назадъ брачное вѣно. По обычаю, это можно было сдѣлать; но какъ сладить съ герондиссою архіепископа? Какъ потушить ярость обиженного честолюбія преосвященной монахини? Вотъ задача, которой не умѣлъ рѣшить Даудъ. Но во всѣхъ странахъ свѣта женскій умъ лучше всякихъ думъ. Жена Дауда, бойкая Гречанка, дала ему такой нечаянный и неопровержимый совѣтъ, который въ мигъ уничтожилъ всѣ страхи и расчеты его и заставилъ покориться вдохновенію и волѣ ея. Однажды, въ часъ искренняго домашняго совѣщанія о судьбѣ дочери, послѣ разныхъ сомнѣній, споровъ, тревогъ, надеждъ, она вдругъ сказала Дауду: Знаешь ли, чтò пришло мнѣ на мысль? Дочь наша еще молода; не погубимъ своего цвѣточка; предъ намѣстникомъ Кирилломъ насъ защитить Московскій архимандритъ, который, какъ всѣ говорятъ, пріѣхалъ сюда по царскому повелѣнію. Откажемъ жениху; когда деспотъ будетъ грозить тебѣ и принуждать тебя играть свадьбу, тогда ты пойдешь къ архимандриту, объявишь ему наше горе и попросишь заступиться за правое дѣло; говорятъ, что онъ очень ласковъ ко всѣмъ и весьма добръ; если онъ согласится вступить за насъ, то наши архіереи не посмѣютъ огорчить его отказомъ. Даудъ, который послѣ передалъ мнѣ эти слова, ободрился совѣтомъ жены; тотчасъ они послали за священниками, которые должны были засвидѣтельствовать, что невѣста, и ея отецъ, и мать не согласны принять жениха; люди Божіи и народныя пришли, потолковали и рѣшили, чтобы женихъ взялъ назадъ свое брачное вѣно. Женихъ, его родные, герондисса намѣстника и самъ онъ взбѣсились. Намѣстникъ позвалъ къ себѣ Дауда; посыпались совѣты, увѣщанія, просьбы, угрозы; Даудъ смиренно кланялся и отклонялъ, какъ могъ, вынужденный бракъ. Герондисса сердилась, кричала, топала ногами и угрожала, что намѣстникъ предастъ его проклятію, если онъ станетъ противиться ихъ волѣ. Архіепископъ злоупотребилъ священною властію въ угодность своей утѣшницѣ. Любовь отеческая, восторжествовавъ, побѣдила страхъ, презирая несправедливое проклятіе; Даудъ просилъ дать ему время подумать и ушелъ домой встревоженный, печальный. Наконецъ, когда рѣшительно объявлено было Дауду, что свадьба уже назначена въ день Петра и Павла, тогда онъ снова

позвалъ къ себѣ священниковъ и упросилъ ихъ отнести въ домъ жениха брачныя подарки его и тѣмъ разсѣчь узелъ. Это было утромъ 22 Іюня. Женихъ, лишь только увидѣлъ свои вещи, пришелъ въ бѣшенство, прогналъ священниковъ и побѣжалъ въ домъ невѣсты. Бросивъ на полъ вѣно, онъ началъ браниться съ Даудомъ и въ ярости сталъ бить его и вышибъ ему одинъ зубъ. Въ Оедоровскомъ монастырѣ послышался крикъ, вой, плачь. Мы выбѣжали на террасу; смотримъ: въ проулкѣ у Латинскаго монастыря Спасителя толпятся священники, Арабы, Арабки; одна здоровая и сильная Булгарка схватила жениха и тащить его въ проулокъ. Потомъ всѣ исчезли. Даудъ заперся въ своемъ домѣ. Спустя нѣсколько минутъ, послышался выстрѣлъ, потомъ сильный стукъ и шумъ человѣческихъ голосовъ. Мы опять вышли изъ своихъ келлій и увидѣли, что женихъ съ своими закадычными пріятелями изволилъ отбивать ворота дома своей невѣсты. Тогда нашъ игумень тотчасъ далъ знать объ этомъ архіепископу Лиддскому, и онъ прислалъ двухъ Турокъ кавасовъ патріархіи, которые прибили жениха тутъ же на мѣстѣ преступленія и на плечахъ утащили его домой, а соучастники его разбѣжались. Тогда сердце мое растерзалось. Больно было видѣть лютость и злость чловѣка, помраченнаго невѣжествомъ, страстями и порокомъ. А чтò происходило въ душѣ невинной дѣвушки при мысли о женихѣ-разбойникѣ?

Въ тотъ же день архіепископъ Лиддскій позвалъ къ себѣ Дауда и уговаривалъ его забыть безразсудное буйство жениха, помириться съ нимъ и затѣять веселую свадьбу, а герондисса обѣщала ему принять на себя всѣ издержки свадьбы. Но Даудъ отвѣчалъ имъ съ твердостью духа, что онъ скорѣе рѣшится умереть, нежели отдать дочь свою въ руки разбойника. Архіепископъ, видя его твердость и непоколебимость, произнесъ проклятіе на него и присовокупилъ, что у отлученнаго отъ церкви возмуть дочь и насильно. Злополучный Даудъ выдержалъ грозу и ушелъ домой съ мрачными думами. Созвавъ къ себѣ родственниковъ, онъ объявилъ имъ свое несчастное положеніе и просилъ ихъ совѣта. Въ порывѣ негодованія всѣ рѣшили избавиться отъ проклятія и мести сильнаго архіепископа принятіемъ Уніи, и потому согласились на другой же день идти къ Французскому консулу и просить у него защиты и покровительства. Эта рѣшимость въ такомъ важномъ случаѣ нимало не удивительна: ибо Арабы за деньги перемѣняютъ вѣру. Но когда совѣтники разошлись по домамъ своимъ, жена Дауда своими слезами и мольбами, а духовникъ ихъ, архіепископъ Набулусскій, устрашеніемъ гнѣва Божія и погибели вѣчной, успѣли поколебать намѣреніе его и заставили его прибѣгнуть къ моему заступленію.

Вечеромъ, когда народъ перестаетъ уже ходить по улицамъ, Даудъ пришелъ къ мнѣ въ келью и со слезами рассказалъ мнѣ свое горе, умоляя меня вступиться за несчастное семейство и спасти невинную дѣвушку отъ злой участи. Если вы не поможете намъ, то остается намъ принять Унію; другого средства къ спасенію мы не имѣемъ, такъ заключилъ онъ свои жалобы. Я задумался. Сердце мое побуждало меня оказать помощь семейству и удержать его въ православной церкви, а разсудокъ запрещалъ мнѣ вмѣшательство въ чужое и при томъ семейное дѣло, напоминая мнѣ то перемѣнчивость намѣреній человѣческихъ, то дерзость быть судьей архіереевъ, то непріятную и невыгодную размолвку съ ними, тогда какъ по назначенію моему я долженъ сохранять миръ и дружбу съ ними. Эта борьба несносно терзала мою душу. Я не зналъ, кого болѣе слушаться: сердца или разсудка, и въ этой нерѣшимости принужденъ былъ еще разъ дознаться рѣшимость Дауда, хотя такое чувство говорило мнѣ, что мои сомнѣнія, моя осторожность послужатъ тяжкимъ и несправедливымъ испытаніемъ отеческому сердцу. Я допросилъ Дауда: не подвергнетъ ли онъ себя кровавой мести жениха или родныхъ его въ случаѣ отказа, не перемѣнитъ ли онъ своего намѣренія, не уступитъ ли настояніямъ покровителей жениха, и когда увидѣлъ твердую рѣшимость его, то обѣщался ходатайствовать за него предъ первымъ намѣстникомъ патріарха, но вмѣстѣ просилъ его не торопить меня. Поспѣшность во всякомъ, и наипаче въ важномъ дѣлѣ, не благоразумна, говорилъ я ему; потерпимъ дня два-три; можетъ быть, архіепископъ самъ образумится и раздумаетъ затѣвать бракъ противъ воли твоей, дѣвушкиной и матерней; но если онъ будетъ настаивать на своемъ, то ты опять приходи ко мнѣ, и тогда я знаю что дѣлать. Но Даудъ убѣдительно просилъ меня не отлагать добраго дѣла, поставляя мнѣ на видъ неодолимое упорство архіепископа Лидскаго и его герондиссы. Мы будемъ медлить (говорилъ онъ сквозь слезы), а они успѣютъ совершить свой замыселъ чрезъ Турецкую власть: отошлютъ меня въ Саввинскій монастырь, какъ помѣшаннаго въ умѣ, и потомъ насильно обвиняютъ мою дочь. Этотъ доводъ его показался мнѣ весьма важнымъ; ибо я зналъ, что намѣстники патріарха имѣютъ гражданское право наказывать Христіанъ, ссылатъ ихъ въ монастыри, заключать ихъ въ тюрьму и пр., и вспомнилъ несчастнаго Грека, который умеръ въ заточеніи въ Саввинскомъ монастырѣ за то, что жена его понравилась игумену Ильинскаго монастыря, который прежде былъ казначеемъ Іерусалимскаго сѣнода. Послѣ этого я уже болѣе не колебался и далъ священное слово Дауду идти завтра же къ митрополиту Петро-Аравійскому и поправить дѣло, во что бы ни стало. Благодарный Арабъ поклонился мнѣ до лица земли и возвратился домой успокоенный.

Іюнь 23. Утромъ я посѣтилъ митрополита и послѣ обычныхъ привѣтствій началъ разговоръ.—Владыка святой! Я пришелъ поговорить съ вами наединѣ объ одномъ важномъ дѣлѣ. Прошу васъ удостоить меня вашимъ вниманіемъ.—И тѣлесный и духовный слухъ мой открытъ для всѣхъ, отвѣчалъ ласково митрополитъ.—Безъ сомнѣнія вамъ извѣстно печальное происшествіе, случившееся вчера въ домѣ православнаго Араба.—Дауда? Знаемъ, знаемъ. Э, пустое дѣло, семейная ссора...; подобные случаи нерѣдки между Арабами; они варвары, башки, варвары!—Пустое дѣло, владыка, да слѣдствія его печальны. Отъ искры загорается пожаръ. Вѣдь—Даудъ со всею роднею своею хочетъ принять Унію подъ покровительствомъ Французскаго консула.—Кто вамъ сказалъ это?—Я слышалъ объ этомъ отъ достовѣрныхъ людей.—Наши говорили вамъ? Не вѣрьте имъ: между ними есть лжебратія. Я давно не видалъ ни одного изъ вашихъ старцевъ и прошу васъ не подозрѣвать никого изъ нихъ. Я умѣю напитокъ воды изъ ближайшаго источника.—Будьте спокойны о архимандритѣ, и вѣрьте мнѣ, что пожара не будетъ.

Я замѣтилъ, что митрополитъ хотѣлъ отдѣлаться пустыми отрицаніями и скрытностію, и потому рѣшился заставить его быть искреннимъ и склонить его въ пользу Дауда.—Пріятно вѣрить вашему прореченію, продолжалъ я, но горестно слышать, что искры семейнаго раздора брошены изъ монастыря Св. Гроба. Весь міръ оправдываетъ Дауда и обвиняетъ преосвященнаго Кирилла и его герондису.—Арабы злодѣи! закричалъ митрополитъ, покраснѣвъ. Они ненавидятъ насъ и поносятъ. Вы имъ вѣрите, а насъ обвиняете.—Что вы говорите, владыка! Я обвиняю васъ? Я отрокъ малый предъ вами? Я пришелъ только сказать вамъ то, что слышалъ, и, если это правда, просить васъ потушить дѣло, которое чернить все святогробское братство, и удержать въ Православіи нѣсколько душъ христіанскихъ. Честь вашего братства дорогѣ для меня такъ-же, какъ и моя собственная; и мнѣ больно думать, что не завтра, такъ послѣ-завтра уменьшится стадо Христово, и безъ того малое и слабое.—Да не вѣрьте слухамъ. Они преувеличены.—Положимъ, что даже несправедливы. Но, кажется, благоразуміе заставляетъ устранять и ложные, вредные слухи, и особенно, когда многочисленные враги наши готовы воспользоваться ими ко вреду нашему. Вы знаете, что теперь Іерусалимъ сдѣлался мѣстомъ Европейскимъ. Думаете ли вы, что консулы и попы Латинскіе и Англійскіе не знаютъ вчерашняго происшествія? И можно ли надѣяться, что они пощадятъ васъ и скроютъ разнесшійся по всему городу слухъ, что монахиня, герондисса намѣстника патріаршаго, мѣшается въ

семейное дѣло, заводитъ ссоры, гонитъ невинныхъ и голубицу отдаетъ на растерзаніе лютому ястребу?—Боже мой! Куда намъ дѣваться отъ враговъ? сказалъ митрополитъ съ тяжелымъ вздохомъ.—Есть убѣжище.—Гдѣ оно?—Въ вашей власти и справедливости. Оставьте въ покоѣ Дауда; накажите дерзкаго жениха или скажите ему, чтобы онъ взялъ свое брачное вѣно; сдѣлайте это какъ можно скорѣе, и безчестіе отнимется отъ васъ.—Постараемся какъ нибудь уладить дѣло.

Я весьма обрадовался этому вызову митрополита и, дорожа минутою его расположенія къ справедливости, спросилъ его тономъ братской простоты, понизивъ голосъ свой: А скажите, владыка, почему герондисса Лидскаго архіепископа принимаетъ сильное участіе въ молодомъ Арабѣ?—Онъ родственникъ ей.—Какъ? Арабъ родственникъ Гречанкѣ? Это что-то мудрено.—Ничего мудренаго нѣтъ тутъ. Вотъ ихъ родословіе. Давно, не помню годовъ, былъ здѣсь одинъ архимандритъ и протосинкель. По слабости человѣческой, онъ прижилъ дочь. Отсюда выслали его и съ дочерью въ Влахобогданію для управленія тамошними имѣніями Св. Гроба. Онъ пожилъ тамъ нѣсколько лѣтъ и умеръ, а дочь его, лѣтъ 12 или 13, возвратилась въ Іерусалимъ. Здѣсь не знали что дѣлать съ нею; выслали было ее въ Яффу къ одному Арабу, но она убѣжала оттуда и опять явилась въ Іерусалимъ; тогда выдали ее за здѣшняго Араба, и вотъ сынъ-то ея и есть женихъ дочери Дауда. А герондисса Лидскаго приходится сродни его матери, и потому она приняла участіе въ мальчикѣ и засватала его за дочь Дауда. Даудъ согласенъ былъ на этотъ бракъ, а теперь, бездѣльникъ, противится и стыдитъ насъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.—Я не зналъ этой исторіи, и признаюсь вамъ, она довольно соблазнительна. Грѣхъ монашескій приноситъ горькіе плоды.—Но дѣти не отвѣчаютъ за грѣхи родителей.— Не отвѣчаютъ, но часто наследуютъ ихъ слабости. И внукъ протосинкела оказался негодаемъ. И такъ есть чего пугаться Дауду. Какому отцу захочется отдать дочь свою за шалуна, за разбойника? Даудъ имѣлъ, и особенно теперь имѣетъ, полное право отказать ему въ рукѣ своей дочери. Зачѣмъ же приневоливать, огорчать, убивать родительское сердце? Не грѣшно ли предъ Богомъ обречь невинную дѣвушку позору и несчастію? И что это за бракъ, который хотятъ заключить противъ воли отца матери и невѣсты? Это ли бракъ о Господѣ? Я прошу васъ, владыка, предупредить зло, и скажу вамъ откровенно, что если герондисса Лидскаго будетъ угрожать и мстить Дауду и если онъ обратится въ Унію, то я не умолчу объ этомъ; поѣду въ Россію и вездѣ буду говорить, что вы сами причиною распространенія Уніи.—Говорите, что вамъ угодно. Но грѣхъ и наказаніе при васъ

будеть.—Не думаю, чтобы грѣшно было тушить пожаръ, истреблять ядъ, предупреждать зло. Ревность по Православію есть святая добродѣтель, сказалъ я въ душевной лихорадкѣ.—Вы не любите насъ и защищаете Арабовъ.—Богъ знаетъ мѣру моей любви къ вамъ, а Арабовъ я жалѣю и готовъ защищать ихъ предъ цѣлымъ свѣтомъ.—Они не имѣютъ никакой вѣры; они варвары, злодѣи.—Вы дайте имъ вѣру; вы сдѣлайте ихъ кроткими агнцами, ибо вы—пастыри ихъ.—Они не слушаются насъ.—Неудивительно, ибо вы не любите ихъ, презираете ихъ.—Это народъ-мученикъ. Магометане угнетаютъ его; и какое утѣшеніе получаютъ Арабы отъ васъ? Имъ даже помолиться негдѣ. Сельскія церкви находятся въ самомъ жалкомъ положеніи.—Вы забываете, что мы находимся подъ Турецкимъ игомъ.—Однакожь Турки не запрещаютъ вамъ починивать церкви и даже строить ихъ вновь на старыхъ основаніяхъ, и еще менѣе запрещаютъ украшать ихъ иконостасами. А въ сельскихъ церквахъ вашихъ вовсе нѣтъ ни иконъ, ни ризъ, ни...—Гдѣ же намъ взять иконописцевъ? А по рукоположеніи каждаго священника мы даемъ ему подризникъ, поручи, епитрахиль, фелонь, дискось и потиръ. Да они не берутъ ихъ.

Я хотѣлъ было сказать митрополиту, что ризы даются священникамъ поношенныя и на всю жизнь и что лучше бы давать имъ деревянные сосуды, а не свинцовые. Но промолчалъ и заговорилъ о священникахъ.—Священники ваши не понимаютъ своихъ обязанностей; таинства совершаются кое-какъ; держать въ церквахъ скотину. Вмѣсто того, чтобы наставлять ихъ, вы ихъ выгоняете отъ себя, какъ презрѣнныхъ рабовъ. Когда они стучатся въ двери вашихъ келій и творятъ молитву: *Δὲ εὐχῶν* (молитвами св. отецъ), вы отвѣчаете имъ: *рухъ мингонъ*—(ступай прочь), подлець—Мы не принимаемъ къ себѣ Арабскихъ священниковъ, дабы не уронить архіерейскаго достоинства. А о просьбахъ ихъ докладываетъ намъ драгоманъ.—Въ первый разъ въ жизни слышу, что достоинство архіерея унижается отъ приѣма священниковъ въ домъ. Владыка! Каждый епископъ есть кивара, а іереи—струны; это не я говорю, а Св. Игнатій Богоносець. Видите, въ какой близкой связи поставляютъ св. отцы епископовъ и священниковъ.—Мы не понимаемъ ихъ языка.—Почему же вы не учитесь по-арабски? И этимъ вы охлаждаете къ себѣ Арабовъ. Но положимъ, что уже поздно вамъ учиться мѣстному языку; по крайней мѣрѣ, пусть драгоманъ передаетъ вамъ ихъ просьбы въ ихъ присутствіи.—Не намъ вводить новые обычаи.—Итакъ, все останется у васъ по старому? Не будетъ учреждено училище для воспитанія сыновъ Арабскихъ священниковъ? Арабки—вдовы, сироты и калѣки, не будутъ имѣть пріюта

въ женскихъ монастыряхъ? Арабъ не можетъ быть ни архіереемъ, ни послушникомъ монастырскимъ?—Это не наше дѣло; про то знаетъ патріархъ.

Я замолчалъ, потому что разговоръ сдѣлался крупнымъ, и уклонился отъ главной цѣли. Нужно было дать другой оборотъ рѣчи.— Не буду спорить съ вами, владыка, продолжалъ я. Не мое дѣло указывать вамъ. Простите меня великодушно, если я оскорбилъ васъ.— Тотъ не оскорбляетъ, кто вразумляетъ, отвѣчалъ митрополитъ и поцѣловалъ меня въ високъ. Послѣ сего я сталъ прощаться съ нимъ, и при прощаніи еще разъ попросилъ его принять Дауда подъ защиту. Митрополитъ обѣщался устроить дѣло по моему желанію.

По возвращеніи домой я позвалъ къ себѣ Дауда, обнадежилъ его благополучнымъ окончаніемъ его дѣла и приказалъ ему извѣщать меня о послѣдствіяхъ моего ходатайства за него.

Іюня 26. Спусти два дня послѣ свиданія моего съ митрополитомъ Мелентіемъ, спутникъ мой о. Григорій пошелъ къ архіепископу Лидскому поговорить съ нимъ о своемъ дѣлѣ. Тогда архіепископъ высказалъ все свое неудовольствіе на меня и просилъ его объявить мнѣ, что онъ считаетъ меня простымъ богомольцемъ и не понимаетъ, кто поставилъ меня судьей надъ нимъ, потому что ни патріархъ, ни Россійскій синодъ не писали въ Іерусалимъ о судейскихъ правахъ архимандрита Порфирія; просилъ также сказать мнѣ, что Даудъ, по обычаю Арабскому, долженъ уплатить жениху издержки угощеній, и что онъ не хочетъ и не въ состояніи уплатить ихъ, а нельзя же обижать и жениха; довольно съ него и того, что онъ обезпеченъ предъ всѣми семействами. Когда о. Григорій пересказалъ мнѣ все это, то я, желая кончить непріятное дѣло, упросилъ его сходить къ Лидскому и дать ему слѣдующій отвѣтъ: Архимандритъ Порфирій и не думалъ быть вашимъ судьей; но если онъ вступился за Дауда, то сдѣлалъ это потому, что гонимое семейство просило у него защиты, и потому, что онъ, по долгу сына церкви Православной, желалъ спасти Дауда и родныхъ его отъ тяжкаго грѣха, каковъ есть перемѣна вѣры. Архимандритъ проситъ васъ кончить дѣло въ пользу Дауда, и онъ выѣдетъ изъ Іерусалима тогда только, когда увидитъ успокоеннымъ невинное семейство. Что касается до уплаты денегъ за издержки жениха, то архимандритъ жертвуетъ ихъ столько, сколько придется по расчету.

Архіепископъ Лидскій, даромъ что чрезвычайно упоренъ, обдумался, смягчился и рѣшился уступить моей настойчивости. Но онъ требовалъ отъ Дауда 700 піастровъ въ пополненіе убытковъ жениха.

Это требованіе опять произвело споры и неудовольствія. Даудъ и Арабскіе священники вопіяли, что это противно Арабскимъ обычаямъ. Архіепископъ хотѣлъ хоть чѣмъ-нибудь потѣшить жениха, который лишается невѣсты и чести. Я совѣтывалъ Дауду исполнить требованіе Лидскаго, и обѣщался дать ему вспоможеніе деньгами.

Іюня 29. Новый день, новыя хлопоты. Утромъ архіепископъ Неаполійскій прислалъ ко мнѣ своего послушника спросить, буду ли я дома послѣ полудня. Я отвѣчалъ, что ежели преосвященный намѣренъ посѣтить меня, то я стану ждать его цѣлый день. Не трудно было предвидѣть цѣль посѣщенія архіепископа. Онъ—духовникъ жены Даудовой; онъ не расположенъ къ Лидскому; онъ—врагъ всѣхъ герондиссъ; стало быть, по случаю какой-нибудь новой завязки, онъ будетъ жаловаться мнѣ и просить меня разсѣчь узелъ. Такъ я гадалъ и угадалъ. Архіепископъ Неаполійскій посѣтилъ меня ровно въ 12 часовъ и въ сильныхъ выраженіяхъ жаловался на превратный образъ жизни монаховъ Іерусалимскихъ; оплакивалъ безчестіе, какое наводятъ герондиссы святигробскому братству; неоднократно повторялъ: горе дѣлающимъ беззаконіе, горе называющимъ черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ; упрекалъ Лидскаго въ женоугодіи; говорилъ, что онъ въ противность Арабскимъ обычаямъ заставляеть Дауда платить деньги, потому что ежели невѣста отказываетъ жениху, то отсылается только брачное вѣно, и ничего болѣе, и, наконецъ, просилъ меня прекратить соблазнъ. Будьте второй Наанъ, говорилъ онъ съ воодушевленіемъ, идите и съ дерзновеніемъ обличите беззаконіе; не бойтесь, потому что одного присутствія вашего трепещутъ тѣ, у которыхъ совѣсть нечиста и помрачена. Справедливость и ревность архіепископа тронули меня до глубины души. Я обѣщался ему употребить свое вліяніе.

Вечеромъ я посѣтилъ митрополита Мелетія и съ евангельскимъ воодушевленіемъ говорилъ ему, что надобно прекратить соблазнъ, что несчастна та церковь, которою управляютъ монахи, а не епископы, что ежели похотливое воззрѣніе на жену есть грѣхъ, то что же сожитіе съ женами, что горе тѣмъ, чрезъ которыхъ соблазнъ приходитъ въ міръ, что ежели въ мірѣ нравственное растлѣніе отвратительно, то въ монастыряхъ и на св. мѣстахъ оно ужасно и пр. Митрополитъ сталъ защищать мѣстный обычай имѣть монахамъ герондиссъ. Апостоль Петръ (говорилъ онъ) водилъ съ собою сестру-жену, а мы преемники его. Самому Господу жены служили, почему-жъ и намъ не принять ихъ служенія и послушанія? Притомъ, не мы первые ввели обычай принимать въ свои келіи герондиссъ, это уже издавна ведется здѣсь. Зло меньшее все же лучше зла большаго. Ну, пусть мы,

по вашему, любодѣи, блудодѣи; мы отдадимъ отчетъ въ этомъ Богу. Эта апологія ужаснула меня, и я въ порывѣ священнаго негодованія сказалъ ему: Богу и людямъ, владыка! Ежели вы такъ думаете, ежели вы такъ чувствуете, то я скажу вамъ не обинуясь, что отнимется отъ васъ царство Божіе и дастся другимъ. И что я говорю? Оно уже отнимается отъ васъ; Христосъ оставляетъ васъ, бѣжитъ отъ васъ. Православная церковь видимо слабѣетъ, умираетъ въ Палестинѣ.

— Что-жъ намъ дѣлать? Мы безсильны. Турки насъ гнетутъ; Армяне насъ обижаютъ; Латины насильно отнимаютъ у насъ овецъ. Никто насъ не защищаетъ, никто не поддерживаетъ.—Турки, Армяне, Латины... а позвольте васъ спросить: кто причиною кровавой вражды Православныхъ христіанъ Виолеема и Бетжалы? Не вы ли расторгли тамъ бракъ противъ обычая и тѣмъ подали поводъ къ враждѣ? Почему вы не помирите ихъ?—Кровавая месть есть наслѣдственный порокъ Арабовъ. Невозможно истребить его.

— А я думаю, что возможно. Тотъ Христіанинъ изъ Бетжалы, котораго жену отдали другому, теперь ищетъ примиренія и проситъ только денегъ съ новаго мужа жены его. Сей послѣдній не въ состояніи удовлетворить его по бѣдности своей. Почему же вы не дадите своихъ денегъ?—Если мы уплатимъ деньги, то всѣ Арабы скажутъ, что мы виноваты.—Итакъ еще будетъ литься кровь христіанская отъ недостатка вашего самоотверженія и отъ ложнаго стыда вашего?

— Мы не имѣемъ власти; мы не можемъ управиться съ Арабами.— Если не можете вы, такъ другіе управятся съ ними.

Услышавъ это, митрополитъ измѣнился въ лицѣ, снялъ камилавку и въ порывѣ оскорбленнаго самолюбія сказалъ, чего я не ожидалъ:

— Такъ Діонисія, митрополита Виолеемскаго, вы прочите на мое мѣсто?—Владыка святой! Мое ли это дѣло? Я объ этомъ никогда и не думалъ.

Послѣдовало обоюдное молчаніе отъ смятенія душевнаго. Молчаніе послѣ размовки весьма неприятно. Я опять началъ говорить:—Ради Бога, прошу васъ, владыка, сдѣлать доброе дѣло, успокоить семейство Дауда. Скажите преосвященному Кириллу, что если непременно нужно уплатить жениху 700 піастровъ, то Даудъ найдетъ эти деньги; скажите ему также, что я твердо рѣшился защитить невинное семейство во что бы ни стало.—Будьте спокойны о. архимандритъ. Постараемся исполнить вашу просьбу.

Утромъ я позвалъ къ себѣ Дауда и увѣрилъ его взнести требуемую сумму, давъ ему 400 піастровъ безвозвратно.

Іюль. 1-го дня кончилось дѣло по моему желанію. Женихъ взялъ назадъ брачное вѣно, Даудъ отсчиталъ ему 700 піастровъ; невѣста спаслась отъ разбойника.

18 Іюля Порфирій пріѣхалъ въ Виѳлеемъ. „19-го послѣ обѣдни, пишеть онъ, я облобызалъ ясли Господни, и въ этотъ разъ такъ же, какъ и прежде, чувствовалъ, что чело мое погружалось въ мраморъ, какъ въ мягкую вещь. Вѣра умягчаетъ и камни“.

„Такъ какъ Армянскій патріархъ передъ отъѣздомъ моимъ въ Виѳлеемъ просилъ меня вникнуть въ споръ его съ Греками за ключъ отъ двухъ дверей храма (внутренней, ведущей въ ихъ придѣлъ, и наружной, вводящей въ храмъ съ улицы) то я посѣтилъ Армянскаго архимандрита Григорія, живущаго здѣсь въ особомъ монастырѣ, пристроенномъ къ Виѳлеемскому храму, и просилъ его объяснить мнѣ на мѣстѣ жалкіе споры. Мы пошли въ храмъ. Здѣсь архимандритъ началъ жаловаться мнѣ, что Греки имѣютъ много входовъ въ храмъ, а Армянамъ не только не позволяютъ имѣть свой ключъ отъ единственной двери, ведущей въ ихъ придѣлъ, но даже совершаютъ свои процессіи черезъ ихъ придѣлъ и тѣмъ безпокоятъ молящихся Армянъ. Я отвѣчалъ ему, что Греки въ самомъ дѣлѣ не правы и что имъ слѣдуетъ уступить Армянамъ не только ключъ, но и самую дверь придѣла.—Это ли одно притѣсненіе мы терпимъ отъ Грековъ? продолжалъ архимандритъ. Они не позволяютъ намъ прибавлять иконъ въ нашемъ собственномъ придѣлѣ, ни замѣнять ветхія новыми. А вы сами изволите видѣть, что эти иконы очень дурно написаны; намъ хотѣлось бы поставить здѣсь лучшія. А въ Св. Пещерѣ митрополитъ нарочно оставляетъ Евангеліе свое на св. престолѣ, чтобы мы не смѣли священнодѣйствовать тутъ. Когда мы служимъ въ придѣлѣ, онъ приказываетъ растворить окна онаго для того только, чтобы имѣть удовольствіе смотрѣть, какъ вѣтеръ или дождь тушитъ наши лампы и свѣчи. Насъ обижаютъ также и Католики. Они имѣютъ ходъ въ Св. Пещеру изъ своей церкви, чрезъ подземелье, но, не смотря на то, открыли другой ходъ чрезъ нашъ придѣлъ. Такія притѣсненія лишаютъ насъ терпѣнія.—Я вполне почувствовалъ почтенному о. архимандриту и просилъ его объяснить мнѣ, почему хотѣлось бы Армянамъ имѣть ключъ и отъ уличной двери храма, тогда какъ они имѣютъ свободный входъ въ сей храмъ изъ своего монастыря. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что имъ желательно вводить въ храмъ благородныхъ и богатыхъ Армянъ прямо съ улицы, потому что ходъ, ведущій въ ихъ монастырь, пролегаетъ черезъ конюшню, а другого хода нѣтъ, да и устроить его не позволяютъ ни Латины, ни Греки, ни Турки. Мнѣ любопытно было видѣть этотъ безчестный для Армянъ

ходъ. Мы пошли туда, и что же я увидѣлъ? Весьма просторное и чистое помѣщеніе подъ древними сводами, складенными изъ тесаныхъ камней, подъ которыми мы прошли къ уличной небольшой калиткѣ. Правда, есть тутъ, въ сторонѣ, конюшни, но она нисколько не мѣшаетъ ходить въ монастырь. Тогда я на мѣстѣ увидѣлъ, что притязаніе Армянъ на наружную дверь храма Виѳлеемскаго есть одинъ капризъ, одно желаніе совмѣстничества. Архимандритъ жаловался, выставялъ право необходимости, ссылаясь на благородство Армянъ, какъ будто они не имѣютъ конюшенъ въ домахъ своихъ. Но я молчалъ и тѣмъ давалъ ему чувствовать несправедливость его жалобъ и доводовъ. Перемѣнивъ разговоръ, мы возвратились въ монастырь. Послѣ короткаго угощенія я простился съ архимандритомъ дружелюбно и ушелъ къ митрополиту.

Преосвященный не утерпѣлъ, спросилъ меня, зачѣмъ я ходилъ въ Армянскій монастырь. Для замѣтокъ, отвѣчалъ я. Митрополитъ потупилъ зорь и потомъ опять спросилъ: угощалъ васъ архимандритъ? И услышавъ утвердительный отвѣтъ мой, покачалъ головою и сказалъ: и вы не погнушались? Мнѣ стало смѣшно, и я отдѣлался отъ него шуткою. Владыко! Если путешественникъ будетъ различать вѣру отъ вѣры и чуждаться иновѣрцевъ, то ему придется умереть съ голоду въ дорогѣ.

Предъ прощаніемъ митрополитъ благословилъ меня маленькимъ серебрянымъ крестомъ, въ которомъ вложены были частичка животворящаго древа и крошечный кусочекъ отъ мертвеннаго ложа Господа Иисуса Христа. Этотъ священный даръ восхитилъ меня до небесъ. Я сердечно благодарилъ митрополита, повторяя ему нѣсколько разъ: Вы имѣете вѣчное мѣсто въ душѣ моей! Мы разстались какъ друзья.

Пещера, гдѣ родился Спаситель, съ первыхъ же дней христіанства сдѣлалась святынею. Городъ Виѳлеемъ терпѣлъ большія бѣдствія*). Продъ избилъ Виѳлеемскихъ младенцевъ. Римляне въ 70 г. разрушили Виѳлеемъ, и онъ почти опустѣлъ. Въ немъ впрочемъ еще жили Іудеи въ началѣ II-го вѣка. Извѣстно, что Римскій папа Еварестъ (100—109) былъ Іудей. Адрианъ же воспретилъ Іудеямъ не только селиться и жить, но даже и самый входъ въ городскіе ворота. И съ тѣхъ поръ ни одинъ Еврей не жилъ въ Виѳлеемѣ. Осквернивъ капищами Голгоѳу и мѣсто Гроба Господня въ Іерусалимѣ, Адрианъ также поступилъ и съ Пещерою Рождества Христова въ Виѳлеемѣ. Онъ велѣлъ развести здѣсь

*) Очерки изъ церковно-исторической географіи. С. Терновскаго. Іерусалимскій патріархатъ, стр. 98.

священныя языческія роци и устроилъ капище Адонису и Венерѣ. Несмотря на это, вѣрующіе не перестали посѣщать священную для нихъ пещеру.

Равноапостольная княгиня Елена устроила надъ пещерою великолѣпный храмъ и украсила темной вертепъ царственнымъ убранствомъ.

Въ Вноелемѣ есть и доселѣ длинное зданіе, называемое школою блаженнаго Іеронима, жившаго въ Вноелемѣ съ своими Римскими друзьями. Здѣсь онъ перевелъ на Латинскій языкъ Ветхій Завѣтъ, здѣсь же находится и его гробница.

Въ 530 г. Императоръ Юстиніанъ возобновилъ городскія стѣны Вноелема и храмъ, устроенный Еленою. Храмъ этотъ превосходилъ своей красотой всѣ Іерусалимскія церкви того времени и, несмотря на то, что часто подвергался разграбленію, первоначальныя стѣны и колонны его уцѣлѣли доселѣ. Такимъ образомъ онъ нынѣ представляетъ собою замѣчательнѣйшій и достойный изученія архитектурный памятникъ не только въ Палестинѣ, но и во всемъ христіанскомъ зодчествѣ, какъ единственный, подлинный и древнѣйшій храмъ ранней эпохи христіанства, сохранившійся безъ значительныхъ измѣненій въ теченіе 1500 лѣтъ со времени своего сооруженія. Внутренность этого храма представляетъ собою большой четырехконечный крестъ. Длинный западный конецъ креста теперь отдѣленъ стѣною отъ остального храма и представляетъ собою пустынную галерею, ничѣмъ не напоминающую храмъ. Но среди этого заустѣнія царственная грандіозность постройки сразу говоритъ о себѣ. 40 колоннъ изъ многоцвѣтнаго порфира четырьмя рядами поддерживаютъ высокіе своды притвора. Стѣны храма были покрыты мозаичной живописью съ священными изображеніями. Изъ надписей видно, что мозаичная живопись была сдѣлана въ XII вѣкѣ, когда Палестиною владѣли Крестоносцы.

Мужскіе монастыри въ Іерусалимѣ и внѣ онаго, исключая Савинскій, (говоритъ Порфирій) суть не что иное, какъ гостиницы для помѣщенія богомольцевъ; потому въ нихъ нѣтъ монаховъ. Каждый монастырь обыкновенно вручается надзору одного игумена, который, тоже по обычаю, держитъ при себѣ молодую герондису и приживаетъ съ нею дѣтей. Болѣе подробно Порфирій описываетъ монастырь Архангельскій. Церковь, имѣющая небольшой куполь, трехпрестольная. Главный престолъ освященъ во имя архангела Михаила, правый придѣлъ—во имя Іоанна Златоустаго, а лѣвый—во имя Николая. Размѣщеніе придѣловъ неправильно. На иконѣ архангелъ Михаилъ въ воинскомъ древнемъ одѣяніи съ челоуѣкообразными солнцами на груди и мышцахъ; въ правой рукѣ онъ держитъ пламенный мечъ, а въ лѣвой—

душу за волосы; у ногъ его лежитъ тѣло сей души. Изображеніе сіе есть эхо языческой мѣологіи. Я видалъ его въ разныхъ церквахъ Палестины и въ Перской Греческой церкви въ Константинополѣ. Не знаю, на какомъ основаніи архангелу Михаилу усвоена должность проводить души на небо. По тамошнему преданію, монастырь построенъ на мѣстѣ явленія ангела Давиду на гумнѣ Орны. Самое мѣсто обозначено обломками колонны, которую лобызають усердные поклонники. Сербы построили сей монастырь. Я видѣлъ въ церкви Сербскія иконы съ Славянскими буквами. Половиною сей обители завѣдывалъ игумень или экономя Свято-Савинскаго монастыря съ своею герондиссою, другою—патріаршіей монахъ. Монастырь имѣетъ 40 келій и небольшой садъ съ огородомъ. Съ 1820 по 1828 г. жили въ немъ по найму Американскіе миссіонеры и Николайсонъ, ихъ дѣятель и руководитель. Съ крыши церковной взоръ обнимаетъ далекое пространство по дорогѣ въ Набулусъ, гротъ Іереміи, весь Іерусалимъ, Елеонъ, деревню Абудисъ и часть Заіорданскихъ горъ.

Н.В. Мимоходомъ въ Большую Панагію мы зашли въ древнюю Латинскую патріархію, пристроенную къ сѣверной и западной сторонамъ храма во время Крестonosцевъ. Со времени завоеванія Іерусалима Саладиномъ живеть въ сей патріархіи родъ Алемидовъ, хранителей знамени Магометова. Съ позволенія шеха Юсефа, мы вошли внутрь сего зданія и осмотрѣли его. Ворота Мавританской архитектуры, съ острыми сводами и разноцвѣтными украшеніями, довольно величавы. Главная лѣстница, ведущая въ большую залу, устроенная изъ большихъ тесаныхъ камней, широка и хорошо сохранилась. Зала либо церковь, съ древними сводами, длинна и узка; она освѣщается изъ оконъ, выходящихъ на базарную улицу. Она обращена въ мечеть. Прочія комнаты, кои выше, кои ниже, не велики. Вездѣ крайне нечисто. Молодой Арабъ вводилъ насъ и въ спальню или женскую половину, которая находится на крышѣ между двумя куполами храма Гроба Господня. Отсюда видно въ ротонду Гроба черезъ окно. Изъ этой половины въ давнее время дверь вела въ южную сторону куполовъ, которою владѣють Греки. Но она заложена съ тѣхъ поръ, какъ оказалось, что Мусульманки изъ гарема ходили къ монахамъ Греческимъ и принимали ихъ къ себѣ. Когда, по жалобѣ мужей, призвали патріарха въ мегкеме для суда, то онъ сказалъ: „у васъ есть кобылицы, у меня жеребцы; заприте своихъ, и мои не будутъ прыгать на нихъ“. Слово и дѣло.

Съ 8 Января по Іюль 1846 г. Порфирій посѣтилъ Аеонъ, Константинополь, а затѣмъ черезъ Валахію и Молдавію, чрезъ Одессу и Москву пріѣхалъ въ Петербургъ.

Во время пребыванія въ Валахіи Порфірій посѣщаль монастыри: въ Гольи, Барбою и Данку.

Монастырь Гольи, такъ называемый отъ здателя его великаго логовета Іоанна Гольи, принадлежит обители Аеоно-Ватопедской. Изъ Греческой и Славянской надписи въ храмѣ его видно, что это святилище съ основаній воздвигнуто было въ память Вознесенія Господня и расписано иждивеніемъ благочестивѣйшаго князя всей Молдовлахіи Василія 1-го воеводы и сына его Стефана воеводы во дни святительства Молдавскаго митрополита хр Варлаама въ 7168—1660 году, Мая 24 дня, а вновь расписано и украшено новымъ иконостасомъ въ 1838 году. Тутъ похоронены внутренности свѣтлѣйшаго князя Потемкина Таврическаго, о чемъ гласить надпись на Русскомъ языкѣ. На западной стѣнѣ храма изображены ктиторы:

1-й. Василій воевода. Екатерина. Иринопольскій епископъ Григорій. Іеремія Могила воевода. Василій логоветъ Іоаннъ Гольи.

Названный епископъ устроилъ въ этомъ монастырѣ параклисъ въ честь положенія пояса Богородицы и подлѣ него изрядную столовую горницу для угощенія богомольцевъ въ храмовые праздники. Онъ долго управлялъ Ватопедскими имѣніями въ Молдавіи и Бессарабіи, а жилъ въ Кишиневѣ. Я видѣлъ его въ Одессѣ. Покойный былъ тученъ, краснощекъ, добръ. Онъ имѣлъ орденъ Анны первой степени.

Внутри Гольинскаго монастыря есть магазины, хорошенькій домикъ для найма и приземистое строеніе для лишенныхъ ума. Молдавское правительство понуждаетъ Ватопедцевъ надстроить эту больницу и содержать лѣкаря своимъ иждивеніемъ; но игуменъ отвѣчалъ, что онъ улучшить больничные покои, а лѣкаря нанимать не будетъ, потому что въ монастырѣ у него недужныхъ врачуеть Богоматерь.

Аеоно-ватопедскіе монахи, живущіе въ здѣшной обители (всѣхъ ихъ тутъ 12-ть), управляютъ всѣми богатыми имѣніями, кои принадлежатъ Ватопеду въ Молдавіи и Бессарабіи. Я засталъ ихъ за общимъ столомъ, передалъ имъ привѣтъ Аеоонскихъ собратій и нашелъ въ нихъ старцевъ чинныхъ, смѣтливыхъ и даже любезныхъ. Они показали мнѣ устроенный въ ихъ монастырѣ главный водоемъ, въ который вода приведена издалека. Бѣдно и некрасиво устройство его. Вода выходитъ изъ 24-хъ трубокъ, льется въ обширный ѣмъ чрезъ уста льва и чрезъ желѣзное сито, и оттуда расходится по всему городу. Сей водоемъ устроенъ Александромъ Мурузи въ 1823 году, а починенъ нынѣшнимъ княземъ Стурдзою въ 1844 году. Замысловатая надпись на немъ въ риоменныхъ стихахъ прославляетъ достохвальное и общепольное дѣло г. Мурузи.

Монастырь Данкѹ принадлежит Аѳоно-Ксиропотамской обители. Древняя церковь въ немъ тяжелой архитектуры, неказиста и ничѣмъ не замѣчательна. На южной, вѣшней, стѣнѣ ея, близъ колокольни, видна Славянская надпись; но такъ какъ она помѣщена весьма высоко, то я не могъ разобрать ее, и только на двухъ послѣднихъ строкахъ прочелъ: ю петро воевода въ лѣто 7344 (7049—1541). Разумѣется, этотъ воевода построилъ или обновилъ монастырскую церковь.

Имѣніями сего монастыря управляютъ пребывающій на покоѣ архіерей Анѳимъ и игуменъ Кесарій. Его преосвященство припѣваючи живетъ тутъ въ особомъ благоустроенномъ домѣ. Ему прислуживаютъ два рѣдкіе красавчика: одинъ лѣтъ 17, а другой 12. Я не спросилъ: кто они таковы и потому не дерзаю назвать ихъ (домашними) постельничими. Осуждать ближняго легко и грѣшно. А ребята—кровь съ молокомъ! По обличію и цвѣту лица они показались мнѣ чадами Албаніи. Онъ (архіерей Анѳимъ) между прочимъ говорилъ мнѣ, что изъ монастырскаго лѣса даромъ даны правительству дерева для постройки казармъ.

Обитель Формоза, красующаяся на возвышеніи въ виду Яссы, построена и приложена была Синайскому монастырю Григоріемъ Гикю воеводою, лѣтъ за сто съ лишнимъ. Въ ней превосходная церковь съ красивымъ иконостасомъ создана въ 1838 году архимандритомъ Іоасафомъ. Онъ изображенъ тутъ на обычномъ мѣстѣ въ орденѣ Св. Анны второй степени съ алмазами. По увѣренію чиновника нашего консульства здѣсь, г. Туманскаго, Формоза даетъ ежегодно дохода 10000 Голландскихъ червонцевъ. (При такомъ доходѣ Синантамъ не надобно ѣздить въ Колхиду за золотымъ руномъ. Но куда иждивается такое богатство? Монастырь на самомъ Синаѣ—въ лохмотьяхъ; другому кому-либо онъ не помогаетъ ни деньгами, ни изданіями книгъ. Видно, очень пространно чрево у Синайскихъ монаховъ и наипаче у игумена ихъ, архіепископа Константія, припѣваючи живущаго въ Константинополѣ).

Монастырь во имя Трехъ Святителей построенъ и приложенъ всѣмъ 20-ти Аѳонскимъ обителямъ съ богатыми имѣніями I-мъ Василюемъ, воеводою Молдавскимъ. Въ немъ соборный храмъ построенъ весь изъ штучныхъ камней, на которыхъ снаружи вырѣзаны разные узоры. Какъ эта узорчатость, такъ и богатство имѣній, приложенныхъ сему монастырю, указываютъ, что это святилище было воздвигнуто названнымъ воеводою по особому благочестивому побужденію. Въ самомъ дѣлѣ, его воздвигло благоговѣніе Василя къ чудотворнымъ мощамъ Параскевы Тырновской, нарицаемой Пятки. Эти мощи, по желанію и просьбѣ сего воеводы, перенесены были изъ Константинополя

и положены въ благоголъпномъ храмѣ Трехъ Святителей въ 7140—1641 г. г., въ осьмое лѣто игемонства I-го Василия. Ихъ прислалъ ему вселенскій патріархъ Парееній, а сопровождали три митрополита: Іоанникій Ираклійскій, Парфеній Адріанопольскій и Ѳеоданъ Палеопатрскій, встрѣтилъ же Варлаамъ, митрополитъ Сучавскій. Къ увеличенію радости набожнаго воеводы Василия въ этотъ годъ родился ему сынъ Стефанъ. Всѣ эти событія увѣковѣчены надписью въ соборномъ храмѣ.

Не знаю когда, по какому поводу и на какихъ условіяхъ Василій воевода приложилъ Трехсвятительскій монастырь всѣмъ Аѳонскимъ обителямъ. На Св. горѣ не удалось мнѣ найти хрисовуль сего воеводы. А въ самомъ монастырѣ, о которомъ идетъ рѣчь, игумень Софроній, завѣдывающій имѣніями его, оказался весьма необщительнымъ, такъ что оба мы побесѣдовали не безъ взаимнаго огорченія. Нашъ разговоръ о монастырскихъ имѣніяхъ и о духовныхъ управителяхъ ими въ княжествахъ подобился крупному порывистому дождю съ крупными градинами.

Игумень Софроній, безъ приличнаго иноку смиренія и отреченія отъ всего земного, тономъ Англійскаго подданнаго (онъ Кефалонецъ), тономъ недовольства, превозношенія и слѣпой правоты, говорилъ, что предержачіе въ княжествахъ несправедливо притѣсняютъ монастыри, принадлежащіе Св. мѣстамъ, и требуютъ отъ нихъ дани; что старые князья и бояре завѣщали и отдали имъ имѣнія въ полное и безотчетное владѣніе и что въ ихъ грамотахъ нѣтъ ни слова о выдѣлѣ монастырскихъ доходовъ на какія-либо общественныя надобности. Молдаване и Валахи съ вѣдома Россіи (примолвилъ Софроній) учредили было комитетъ (послѣ 1830 года) для разсмотрѣнія хрисовуловъ и духовныхъ завѣщаній, въ надеждѣ найти въ нихъ основанія для обложенія монастырей податями въ пользу богоугодныхъ учрежденій, но не нашли чего желали и должны были закрыть комитетъ; но за то стали принуждать всѣ обители отдавать имѣнія ихъ въ аренду съ публичныхъ торговъ, дабы знать численность всѣхъ доходовъ ихъ. Кромѣ сего, они даромъ берутъ лѣсъ монастырей для постройки казармъ; иному изъ нихъ запрещаютъ рубить его, у другого удерживаютъ доходы до извѣстнаго имъ времени: всѣхъ принуждаютъ обстраиваться въ большихъ размѣрахъ и вносить правительствомъ здѣсь и въ Букарестѣ третью часть общихъ доходовъ.

Эти рѣчи и наипаче тонъ, какимъ онѣ высказаны были, взволновали меня, и я сказалъ Софронію и случившимся у него Грекамъ-арендаторамъ суровую проповѣдь. „Все, что вы говорили мнѣ, преподобнѣйшій отецъ, я слышу не въ первый и не во второй разъ. Въ

Іерусалимѣ, на Синаѣ, Аѳинѣ и Константинополѣ жалуются на притѣсненіе господарей и на слабую защиту Россіи. Но кто жалуется? Монахи, которые по обѣту своему должны быть нестяжательны, довольствоваться хлѣбомъ насущнымъ и благодарить Бога и власти за ниспосылаемыя имъ крупицы. Жалобы ихъ несправедливы. Княжества подъ покровительствомъ Россіи начали благоденствовать; съ тѣмъ вмѣстѣ и монастырскія имѣнія, со времени введенія здѣсь извѣстнаго регламента, стали приносить гораздо болѣе доходовъ, чѣмъ прежде; но монахи вмѣсто того, чтобы быть благодарными, сдѣлались жаднѣе до денегъ и скупѣе для общества. Чего вы хотите? Чтобы Россія любила васъ болѣе, чѣмъ Румыновъ? Но, ежели вы, Греки, намъ братья о Христвѣ, то и Румыны намъ не чужіе. Чего вы хотите? Чтобы Россія дозволяла вамъ своевольно хозяйствовать въ чужихъ вамъ княжествахъ и вывозить отсюда золото, Богъ знаетъ куда, въ ущербъ благосостоянію здѣшняго края? Но Россія любитъ правду, какъ у себя дома, такъ и тамъ, гдѣ Богъ поставилъ ее опекуномъ народовъ. У васъ не отнимаютъ и не отнимутъ имѣній. Но ежели вамъ предлагаютъ или совѣтуютъ помочь мѣстнымъ правительствамъ выдѣломъ какой либо части вашихъ богатыхъ доходовъ на устройство училищъ, больницъ, на содержаніе церквей и духовенства въ вашихъ же имѣніяхъ и на другія общепользныя надобности, то почему вы не соглашаетесь? Почему упрямитесь? Вы говорите, что въ хрисовулахъ князей (и въ завѣщаніяхъ бояръ) нѣтъ ни слова о такомъ выдѣлѣ. Ни слова? Значить, хрисовулы не отнимаютъ у дѣйствующей въ княжествахъ власти законнаго права требовать отъ монастырей небольшой части доходовъ на общественныя надобности. Вотъ было бы другое дѣло, если бы въ хрисовулахъ ясно была выражена воля завѣщателей: не облагать монастыри никакими податями. Но ни одинъ государь и ни одинъ бояринъ, сколько мнѣ извѣстно, не высказалъ сего въ дарственныхъ записяхъ. Имѣнія даны монастырямъ, конечно, не для того, чтобы они одни были богаты, а княжества нуждались бы въ деньгахъ. Всѣ владѣльцы имѣній, кто бы они ни были, должны любить свое отечество, почитать Богомъ поставленную въ немъ власть и всѣми способами содѣйствовать благимъ намѣреніямъ и предпріятіямъ ея; иначе никакое государство, никакое княжество не можетъ благоустроиться. Послушайте что говоритъ Св. Амвросій Медиоланскій о церковныхъ имѣніяхъ: „Дави требуетъ Кесарь? Не отрицаемся. Поля церкви пусть вносятъ подати, по слову Господню: воздадите Кесарева Кесареви“. Одни господари властны были дать вамъ имѣнія, а другіе въ правѣ требовать отъ васъ посильныхъ вспоможеній государству. Фанариоты угождали васъ чужимъ добромъ, а Румынскіе воеводы не смѣли бы

попросить у васъ и отрубей!.. Что жъ это за правда? Царствованіе Фанаріотовъ миновало. Настало господство Румыновъ. А всякая новая власть имѣетъ право дѣлать новыя постановленія и отмѣнять старыя, особенно когда нужда или святая правда велитъ упразднить пристрастные законы. Но васъ еще щадятъ; вамъ оставляютъ ваши имѣнія и только желаютъ, чтобы прекращены были злоупотребленія, вопіющія на небо.

— Какія злоупотребленія? спросилъ игумень. Я отвѣчалъ: Въ вашихъ богатыхъ имѣніяхъ нѣтъ ни церквей хорошихъ, ни священниковъ порядочныхъ, ни школъ приходскихъ, а въ монастыряхъ, вамъ данныхъ, нѣтъ монаховъ, которые совершали бы поминовеніе усопшихъ благодѣтелей вашихъ. Не злоупотребленіе ли это? Ваши арендаторы, можетъ быть, всѣ суть пришлецы Греки, богатящіеся на счетъ туземцевъ. Не злоупотребленіе ли это? Ваши управляющіе имѣніями архимандриты и игумены посылаютъ Святымъ мѣстамъ очень малую долю доходовъ, а большую часть ихъ сами поѣдаютъ. Не злоупотребленіе ли это? Ваши главные монастыри Синайскіе, Сіонскіе, Аѳонскіе не могутъ смѣнить обжившихся здѣсь и уютлѣвшихъ названныхъ управителей. Напримѣръ: на Аѳонѣ, въ Симопетръ и Есфигменѣ жаловались мнѣ на это злоупотребленіе. Симопетриты на Святой горѣ живутъ по строгимъ правиламъ киновіи, а экзархъ ихъ въ Букарестѣ едва-ли не пляшетъ подъ фортепіано, которое я видѣлъ въ его кельяхъ.—Но ваши же консулы (подхватилъ Софроній) Рикманъ и другой... взяли червонцы съ этого экзарха и поддержали его на мѣстѣ противъ желанія монастыря Симонопетрскаго.—Я не знаю этого; но спрашиваю васъ: почему же у него самого нѣтъ доброй совѣсти? Почему онъ далъ червонцы? Почему пожертвовалъ выгоды своего монастыря своему чреву? О, видно вамъ сладко жить здѣсь (прогуливаться въ каретахъ, хозяйничать вмѣстѣ съ коконами и, какъ я слышалъ здѣсь, дарить деньги актрисамъ и платить ихъ эскулапамъ... Но горе тому, имъ же соблазнъ въ міръ приходитъ, сказалъ Спаситель).—И монахи—люди, проговорилъ одинъ Грекъ.—Нѣтъ, не люди, возразилъ я, а земные ангелы и небесные челоувѣки; по крайней мѣрѣ они такъ себя величаютъ. Впрочемъ, я не съ вами разговариваю.

— Мы не знаемъ, какъ живутъ ваши монахи, сказалъ игумень. О, когда они владѣли богатыми имѣніями, тогда жили такъ же, какъ и мы, и вмѣсто серебряныхъ лампадъ въ церквахъ зажигали глиняныя, или желѣзныя, потому что деньги бросали на вѣтеръ; но когда лишились благъ земныхъ, тогда стали ближе къ небу.

— Въ Россіи отняты имѣнія у монастырей, говорилъ Софроній; видно, ваше правительство заранѣе хочетъ сдѣлать тоже самое и съ здѣшними обителями, чтобы воспользоваться ихъ доходами, когда забереть въ свои руки оба княжества.

Эти слова взорвали меня, и я грянулъ: Преподобный отецъ! Вотъ ужъ почти три года я вижусь и бесѣдую съ Греческими монахами. Многіе изъ нихъ любятъ Россію, а есть между ними и такіе, которымъ милѣе Франція или Англія. Но пусть они скажутъ мнѣ: сколько Французовъ или Англичанъ умерло на поляхъ Румыніи и Европейской Турціи за свободу (и благосостояніе) православныхъ племенъ и за благосостояніе, на примѣръ, Аѳона. А Русскіе тамъ умирали за васъ тысячами. Почему же на Аѳонѣ принимаютъ почетнѣе оныхъ еретиковъ, нежели Русскаго православнаго архимандрита. Почему Лавра, Иверъ, Ватопедъ распростирали свои объятія Французу Миносу, который обокралъ ихъ бібліотеки, а мнѣ, единовѣрному архимандриту, показали кое-что, да и то принужденно, видѣвши у меня фирманъ султанскій и промучивши меня разными пустыми отговорками? О, Франція и Англія не спасутъ васъ, не надѣйтесь на нихъ. А Русскіе, быть-можетъ, еще разъ потоками прольютъ кровь свою за свободу единовѣрныхъ племенъ въ Турціи. Какъ вы думаете, чего стоитъ каждая капля Русской крови? Есть ли цѣна ей? Или вамъ дороже золото и серебро, чѣмъ мы, братья ваши по вѣрѣ? Мы не похищаемъ чужихъ имѣній. Мы не воры. Но мы любимъ правду, законъ, братство и строгій чинъ монашескій. Наши государи желаютъ, чтобы отъ монаховъ не пахло землею, а вѣяло бы небомъ. Не намъ разсуждать: кому Богъ передастъ княжества. А наше дѣло молиться за царя и за всѣхъ иже во власти суть, повиноваться установленнымъ отъ него правительствамъ, жить преподобно, и, если мы богаты, дѣлиться съ другими нашими благами по любви евангельской. А этой-то любви и не достааетъ. Если бы монахи имѣли ее, то, конечно, не отказали бы Румынамъ въ испрашиваемомъ ими пособіи. Но существуетъ ли эта любовь въ Аѳонскихъ монастыряхъ? Послали ли они когда-нибудь денежное пособіе бѣдному Антиохійско-патріаршему престолу или Сирійскимъ обителямъ? Издали ли въ свѣтъ творенія хоть одного св. отца церкви? Увы! На Аѳонѣ, Синаѣ, въ Іерусалимѣ каждый думаетъ только о себѣ, а ближняго и знать не хочетъ. На Аѳонѣ монастыри только ссорятся между собою и ведутъ разорительныя тяжбы. Доходы съ богатыхъ имѣній ихъ достаются судящимъ ихъ Туркамъ. Не зло-ли это? Не тяжкій-ли это грѣхъ предъ Богомъ и предъ міромъ христіанскимъ? Побратски совѣтую вамъ: прекратите злоупотребленія ваши и съ покорностію,

охотно отдавайте ваши избытки на пользу общую. Иначе накажетъ васъ правосудіе Божіе, и вы лишитесь всего.

— Аeonъ не обѣднѣетъ, если Русскіе отнимутъ у него имѣнія, обмолвился игумень.—Опять таже пѣсня! Выслушайте же и мой прежній напѣвъ. Страхи ваши напрасны. Аeonъ не лишится своихъ имѣній ни въ княжествахъ, ни въ нашей Бессарабіи. Россія уважаетъ Св. мѣста и если чего домогается отъ нихъ, то прекращенія хозяйскихъ злоупотребленій.

— Обзорѣвая Св. мѣста, вы замѣтили только недостатки тамошнихъ людей Божіихъ.—Желалъ бы я видѣть однѣ добродѣтели ихъ. Но онѣ кроются въ тайнѣ лица Божія.—Бѣды намъ отъ лжебратій.—Не тѣ ли лжебратія, которые, нося куколь и мантию, наживаютъ въ княжествахъ богатство и потомъ бѣгутъ въ Аѳины, женятся тамъ и строятъ себѣ дома?—Бѣды отъ лжебратій, вопіялъ игумень.

Я не хотѣлъ болѣе говорить съ нимъ и откланялся ему. Но онъ, вышедши за мною на крыльцо своего дома и стоя тутъ, продолжалъ кричать: бѣды отъ лжебратій. За то и я изъ своей коляски еще разъ пустилъ стрѣлу не въ бровь, а прямо въ глазъ его, крикнувъ: Вы—лжебратія; вы, которые, какъ саранча, поѣдаете блага Румыновъ и строите, не вѣсть кому, доходные дома на Англійскомъ островѣ. (Софроній—Англійскій подданный).

9 Октября 1846 г. Порфирій пріѣхалъ въ Москву, а 10-го былъ у Филарета. Вотъ разговоръ его съ митрополитомъ. Палестинская церковь (передавалъ Порфирій), подобна тридцативосьмилѣтнему разслабленному, который лежитъ у купели и ждетъ исцѣленія. Все тамошнее Греческое духовенство—темно, Арабское же вдвое темнѣе. Въ монастырѣ Гроба Господня училища нѣтъ, и научное образованіе считается ненужнымъ и даже вреднымъ. Безвыходное проживаніе женщинъ, такъ называемыхъ герондиссъ (старицъ) у архіереевъ и въ мужскихъ монастыряхъ соблазнительно. Архіереи постоянно живутъ въ Іерусалимѣ и никогда не посѣщаютъ свои епархіи. Арабское духовенство не любитъ ихъ и не слушаетъ, а само плохо понимаетъ свои обязанности.

— А какъ велики тамъ епархіи? прервалъ меня владыка.

— Весьма малочисленны. Такъ напримѣръ: у Газскаго архіепископа всей паствы не болѣе 50 семействъ, въ епархіи архіепископа Фаворскаго—двѣ-три деревни; митрополиту Виѳлеемскому подвѣдомы только Виѳлеемъ и сосѣдняя Деревня Пастырей. Самая большая епархія есть Птолемаидская, но въ ней много Уніатовъ.

— Для чего же имѣтъ столько архіереевъ?

— Владыка святой! говорилъ я тономъ умиленїя. Жаль упразднить древнїе епископскїе престолы, которыхъ нынѣ мало сравнительно съ прежнимъ временемъ, когда въ Палестинѣ считались, кромѣ четырехъ митрополїй, 25 архїепископїй и 75 епископїй. Авось, когда нибудь отъ нихъ возсіяетъ свѣтъ Христовъ на Св. Землѣ. Въ гористыхъ странахъ, каковы Палестина и Сирїя, гдѣ трудны сообщенїя, нужно большое число епископовъ, ибо около нихъ кое-какъ еще держится Православїе, а безъ нихъ оно давно исчезло бы тамъ. При томъ Палестинскїе архїереи совершаютъ богослуженїе въ Иерусалимѣ для многочисленныхъ поклонниковъ, исповѣдуютъ ихъ и живутъ ихъ подаванїями и собственными деньгами, добытыми во время собиранїя милостыни для Гроба Господня; слѣдовательно они никому не въ тягость, а духовное утѣшенїе поклонникамъ доставляютъ. Итакъ, пусть они стоятъ въ ликѣ православныхъ святителей. Жаль только, что они разъединены съ своими паствами и не знаютъ Арабскаго языка; вдовъ и сиротъ туземныхъ не помѣщаютъ въ женскихъ монастыряхъ, наполненныхъ Гречанками; Арабовъ не только не возводятъ въ высшія степени церковныя, но даже не дѣлаютъ и послушниками. Слѣдствїемъ такого разъединенїя бываетъ уклоненїе сихъ послѣднихъ въ Унїю. Посредствомъ Унїи (продолжалъ я) Католики отторгли отъ Палестинской церкви половину чадъ ея, и понынѣ побораютъ ее. Что касается до протестантства, которое имѣетъ свою исторїю въ Палестинѣ съ 1821 г., то оно является и скрывается, движется и перестаетъ. Были попытки обращенїя Православныхъ въ Протестанты, но не удались.

Что сказать вамъ о спорахъ представителей трехъ вѣроисповѣданїй за святые поклоненїя? Эти споры почти непрерывно длятся съ начала шестнадцатаго вѣка. Они весьма убыточны для соперниковъ. Огромные доходы, какїе получаетъ святогробская казна отъ всего христіанскаго міра и преимущественно изъ Валахіи и Молдавіи, иждиваются большею частїю на тяжбы съ Армянами и Католиками. Одни Турки наживаются. Придумывается единственное средство прекратить сіи тяжбы: это предоставленїе права хозяйствовать на Св. мѣстахъ султану и его правительству.

Весьма утѣшительно, что святогробское духовенство уплатило свой колоссальный долгъ въ 30.000.000 піастровъ или 6.000.000 рублей ассигнаціями. Покойный султанъ Махмудъ пособилъ уплатѣ сего долга повелѣнїемъ прекратить наращенїе ростовъ со дня обнародованїя указа его. Это утѣшительно. Но весьма горестно, что надъ Гробомъ Господнимъ находится мусульманскїй харемъ.

— Какой харемъ? спросилъ изумленный митрополитъ.

— Женскій, отвѣтилъ я. Уже столѣтія онъ существуетъ тамъ со времени Саладина, отвоевавшаго Іерусалимъ у Крестоносцевъ въ 1187 году, и помѣщается какъ разъ между двумя куполами, изъ которыхъ одинъ накрываетъ ротонду Гроба Господня, а другой—Воскресенскій храмъ.—Откуда же ходять въ этотъ харемъ?—Весь храмъ святогробскій (Іерусалимскій) накрытъ плоскою и ровною крышею, какъ этотъ столъ. Тутъ я поднялся съ своего кресла, подошелъ къ столу и началъ показывать пальцемъ и двумя кулаками мѣста двухъ куполовъ поверхъ крыши, между ними харемъ, и лѣстницу, ведущую съ улицы на храмовую крышу и говорилъ: вотъ два купола; вокругъ ихъ ходять по крышѣ; между ними и сзади ихъ—харемъ; изъ него затворницы чрезъ оконце смотрять въ ротонду Гроба Господня и иногда бросаютъ туда лимонныя и апельсинныя корки; къ харему всходятъ съ улицы по лѣстницѣ и чрезъ комнаты, пристроенныя къ сѣверозападной сторонѣ храма. Въ этихъ комнатахъ во время оно помѣщался Латинскій патріархъ, а теперь живетъ и плодится родъ Алемидовъ, носитель знамени Магометова.—Боже мой! Чтò я слышу?—Тяжело для сердца харемное оскверненіе величайшей святыни на землѣ.

— Но почему ни Норовъ, ни Муравьевъ не упомянули объ этомъ харемѣ? Муравьевъ, кажется, порядочный шпионъ, прибавилъ владыка.

— Никто не надоумилъ ихъ, и потому не мудрено, что они не видали мерзости, помѣщенной такъ высоко. И я узналъ о ней случайно. Алеmidскій шехъ, хозяинъ харема, приходилъ ко мнѣ съ предложеніемъ: не угодно ли будеть нашему Государю Императору купить помѣщеніе его, пристроенное къ храму. Естественно, я пожелалъ видѣть оное и ходилъ туда. Обширное помѣщеніе! Прекрасная, каменная, широкая лѣстница съ уличнаго креста, Мавританской вычурной архитектуры, ведетъ въ длинную залу; изъ этой залы поднимаешься по ступенямъ выше и выше и доходишь до самаго харема. Сынъ или племянникъ шеха вводилъ меня въ этотъ женскій затворъ, выславъ затворницъ (женщинъ), и я смотрѣлъ оттуда сквозь оконце въ ротонду Св. Гроба. Намѣстники патріарха говорили мнѣ, что покупка сего помѣщенія обошлась бы имъ въ 100.000 рублей. Но трудно, а имъ самимъ и невозможно приобрести его, потому что онъ есть вакуфъ, то есть священное мѣсто Мусульманское.—Какая горестная вѣсть!

— Но есть Богъ отмщений. (Но великъ Богъ. Свято имя Его).

— Когда графъ Орловъ отправлялся въ Константинополь, какъ чрезвычайный посолъ (сказалъ мнѣ митрополитъ), тогда я просилъ его включить въ договоръ съ Турціею параграфъ о ключарствѣ Государя

Императора въ храмѣ Іерусалимскомъ. Пусть бы онъ былъ ключникъ Гроба Господня. Но моя просьба не исполнена. Признано за лучшее оставить Гробъ Господень подъ охраною Турковъ, такъ какъ власть ихъ уравниваетъ три враждующія вѣроисповѣданія въ Іерусалимѣ.

Послѣ минутнаго молчанія митрополитъ спросилъ меня: почему Ѳаворскаго архіепископа Іероодея не поставили патріархомъ въ Іерусалимѣ?

Я отвѣчалъ. Самъ Іероодей говорилъ мнѣ, что члены Константинопольскаго сѹнода не жаловали его за то, что онъ не посѣщалъ ихъ, и считали его гордымъ и черезчуръ надѣющимся на Россію; а онъ-де не ходилъ къ нимъ единственно по привычкѣ къ домоѣдству. Но главная причина удаленія его отъ патріаршества была та, что въ Константинополѣ задумали подчинить Іерусалимскій патріархатъ владыкѣ вселенскому, назначать туда патріарховъ изъ членовъ Константинопольскаго сѹнода и пользоваться ихъ благодарными пожертвованіями изъ богатой казны Святогробской, о чемъ ровно за годъ увѣдомлялъ я графа Протасова. Этотъ замысль расторгнуть, какъ паутина, нашимъ посольствомъ. Но Цареградскіе архіереи успѣли такъ уронить Ѳаворскаго, какъ преданнаго Россіи, въ глазахъ властныхъ Турковъ, такъ что султанъ отвѣчалъ нашему посольству: „пусть изберутъ въ Іерусалимѣ патріарха, кого угодно, только не Ѳаворскаго“.

— Нынѣшній Константинопольскій сѹнодъ (продолжалъ я), сдѣлался какъ-то властолюбивымъ. Безъ сомнѣнія, вамъ извѣстно, что онъ въ Александрію назначилъ патріархомъ Кюстендильскаго митрополита Артемія противъ воли тамошняго клира, народа и Египетскаго паши, которые избрали мѣстнаго архимандрита Іероодея. Артемій не можетъ ѣхать въ Египетъ: тамъ не примутъ его. Мегметъ-Али-паша твердъ въ своемъ словѣ (тутъ я разсказалъ, какъ вселенскій патріархъ Анѳимъ представлялся этому пашѣ, и какъ ему внушено было не говорить ни слова объ Артеміи). Его святѣйшество, въ день выѣзда моего изъ Цареграда, говорилъ мнѣ, что онъ и сѹнодъ его намѣрены совѣтовать Артемію подать отреченіе отъ патріаршаго престола и предоставлять ему нѣкоторыя преимущества. Безъ сомнѣнія, это сбудется.

Александрійскій патріархатъ (домолвилъ я) есть маленькій улей, въ которомъ нѣтъ и 2000 туземныхъ пчелокъ, а оспаривается. Патріархатъ Антиохійскій несравненно болѣе его. Въ предѣлахъ его находится десять епархій съ 70.000 душъ православнаго вѣроисповѣданія, пять ставропигіальныхъ монастырей, нѣсколько малыхъ обителей,

между коими одна женская недалеко отъ Дамаска, и три народныя училища: въ Триполѣ, Бейрутѣ и Дамаскѣ. Но Антиохійскій престолъ давно обуреваемъ Уніею.—Съ какого времени?—Со времени святительствованія тамъ патріарха Макарія, который былъ у насъ въ Россіи и участвовалъ въ осужденіи Никона. Съ той поры Унія, какъ гангрена, распространилась по Сиріи. Тамошніе Уніаты имѣютъ своего патріарха Максима, свою іерархію, свои монастыри и училища и получаютъ большую помощь отъ Римскаго двора и отъ консуловъ. Усиленіе Уніи въ Сирійскомъ клирѣ и народѣ было причиною того, что Антиохійскихъ патріарховъ начали присылать изъ Константинополя. Замѣчательно, что въ городѣ Алеппѣ, въ этой колыбели Уніи, образовалось между Уніатами тайное братство Никодимитовъ, у котораго цѣль—возсоединеніе съ Православною церковію.—Что значить Никодимиты?—Они такъ называются по воспоминанію о Никодимѣ, приходившемъ ко Христу ночью. Въ этомъ братствѣ числятся нѣкоторые архіереи, многіе священники и міряне. Одною изъ этихъ архіереевъ, именно, Амидійскаго митрополита Макарія, который назывался великимъ Никодимомъ, ожидаютъ въ Константинополѣ. Тамъ онъ приметъ Православіе, и его вновь рукоположатъ, начиная съ низшихъ степеней церковныхъ. Православный митрополитъ Алеппскій Кириллъ писалъ мнѣ, что Никодимиты скорѣе возсоединились-бы съ нами, если бъ имѣли могучаго и добраго защитника со стороны Россіи; но, къ сожалѣнію, Русскій консулъ въ Алеппѣ—Жидь.

Услышавъ это, митрополитъ востепенулся и проговорилъ: „Русскій консулъ Жидь! Господи Іисусе!“..

— Да, Жидь изъ фамиліи Пичідти, которая уже давно консульствуетъ тамъ. Послѣдовало продолженіе изумленія и сожалѣнія. Спустя нѣсколько мгновеній, я продолжалъ: Къ сожалѣнію, наши консулы на Востокѣ почти всѣ были и суть неправославные. Дюгамеля въ Каирѣ не поминаютъ добромъ и называютъ человѣкомъ со змѣями: онъ носилъ эксельбанты. О Полякѣ Петрушевскомъ, который недолго былъ нашимъ вице-консуломъ въ Яффѣ, Іерусалимскіе старцы говорили мнѣ, что этотъ человѣкъ присланъ былъ для поправанія Православія. Въ домѣ Американца Шасса, завѣдывавшаго нашимъ консульствомъ въ Бейрутѣ, устроена была первая молельня Американскихъ миссіонеровъ, куда они собирали и православныхъ дѣтей для слушанія ихъ проповѣдей. Смирнскаго консула Иванова никто никогда не видалъ въ церкви Божіей. Это я слышалъ въ Смирнѣ отъ Славянъ. О нынѣшнемъ Бейрутскомъ консулѣ нашемъ Константинѣ Базилі Антиохійскій патріархъ говорилъ мнѣ: „если бы можно было приставить лѣстницу къ небу,

то онъ полѣзъ бы жаловаться Богу на Базили; вначалѣ онъ былъ добръ и усерденъ къ Православнымъ, но потомъ предпочелъ имъ Уніатовъ, очарованный красотою жены своего переводчика Наума Хури изъ Уніатовъ“. Нынѣшній генеральный консулъ нашъ въ Александріи Фокъ-Протестантъ. Агенты наши въ Капфъ у подножія Кармила и въ Сидонѣ—Католики.

Митрополитъ покачалъ головою. Я проговорилъ: Одинъ Богъ можетъ спасти отъ кораблекрушенія Сирійскую церковь и, поднявшись на ноги, началъ прощаться съ владыкою.

Онъ просилъ меня побывать у него еще разъ и примолвилъ: самъ я назначу время для дорогого гостя. Вечеромъ я получилъ записку отъ ректора семинаріи архимандрита Алексѣя. Онъ увѣдомилъ меня, что митрополитъ проситъ насъ обѣдать у него завтра. Владыка назвалъ меня архимандритомъ Іерусалимскимъ“.

На другой день Порфирій обѣдалъ у митрополита. Разговоръ касался главнымъ образомъ разновидности богослуженія и устройства Греческихъ храмовъ, особенно Софіи въ Константинополь. Всѣ Аѳонскіе монахи и скитники вѣрятъ и учатъ, что Христіанинъ потурчившійся можетъ спастись только тогда, когда раскается, приметъ муропомазаніе и послѣ чрезвычайныхъ и продолжительныхъ пощеній и стояній молитвенныхъ пойдетъ въ Магометанское судилище въ одеждѣ Турецкой, но съ ваіею и крестомъ или иконою въ рукахъ, дерзновенно проклянетъ тутъ Магомета, исповѣдуетъ Христа, яко Бога, заушитъ судью и будетъ замученъ Турками. Посему Святогорцы съ любовію принимаютъ къ себѣ и даже сами выискиваютъ такихъ несчастливцевъ и методически готовятъ ихъ къ мученичеству, а приготовленныхъ отправляютъ съ опытными въ мученикотворствѣ старцами въ Солунь, или въ Анатолію, или въ Константинополь, а по смерти покупаютъ тѣла ихъ у мучителей, увозятъ на Аѳонъ, хоронятъ въ землѣ на три года и потомъ вырываютъ кости ихъ, украшаютъ ихъ серебряными окладами, выдаютъ за мощи не исключая и нечетныхъ зубовъ и собираютъ дань съ темнаго міра. Я видѣлъ подобныя мощи, но не лобызалъ ихъ, смущаясь мыслию о напрасномъ жертвоприношеніи людей; видѣлъ и старцевъ мученикотворцевъ: Германа въ Кавскаливѣ, извѣстнаго издателя Евангельской Трубы, и Григорія въ Предтеченскомъ скитѣ монастыря Аѳоно-Иверскаго.

— Владыка святой! Скажите мнѣ: надобно ли признавать и почитать такихъ самозванныхъ мучениковъ?

Тутъ завязался между нами споръ. Я ссылался на чинъ принятія иновѣрцевъ, въ которомъ отрекшимся отъ Христа и раскаявшимся пред-

писывается только св. муропомазаніе; ставилъ на видъ различіе между самозванствомъ на мученія и между призваніемъ отъ Бога на пролитіе крови за вѣру; въ примѣръ такого самозванца представлялъ іеромонаха нашей императ. миссіи въ Стамбулѣ Константія, потурчившагося послѣ крупной ссоры съ нашимъ посланникомъ Италинскимъ и потомъ называлъ самозванныхъ мучениковъ жертвами ложнаго толка Аѳонскаго, самообольщенія и самоулаженія посмертною славою своею; негодовалъ на доходную выставку тряпокъ, веревокъ, череповъ, и костей такихъ мучениковъ и въ порывѣ младокровнаго негодованія говорилъ: мнѣ больно, мнѣ ужасно думать, что на Аѳонѣ совершается жертвоприношеніе людей.

Маститый митрополитъ былъ спокойнѣе меня. Онъ не одобрялъ помянутой выставки, если она дѣлается только для денежныхъ доходовъ отъ поклонниковъ, но защищалъ Аѳонцевъ и ихъ мучениковъ, ссылаясь на примѣры древнихъ страсотерпцевъ, которые сами вызывались на мученія и которыхъ церковь вписала въ ликъ святыхъ какъ доблестныхъ свидѣтелей и исповѣдниковъ Божественной вѣры христіанской, величая силу ихъ покаянія, горячность любви ко Христу и рѣшимость умереть за Него предъ гонителями святой церкви Его.

На Аѳонѣ святость новыхъ мощей узнають по исходящему изъ нихъ благоуханію, а старыя мощи тамъ не все благоухаютъ, если не обманывало меня мое собственное обоняніе.

Послѣ сего я обратилъ вниманіе митрополита на недогматическія разности между церквами Восточною и Россійскою. На Востокѣ не рѣдко бывають соборы помѣстные; у насъ ихъ нѣтъ. Тамъ весьма много архіереевъ; у насъ ихъ очень мало, для многомилліоннаго народонаселенія. Тамошніе митрополиты имѣють подвѣдомыхъ епископовъ; наши ни одного кромѣ викаріевъ, съ которыми не составишь собора. Тамъ для производства важныхъ дѣлъ церковныхъ посылаются на мѣста сихъ дѣлъ особые экзархи; у насъ почти все дѣла церковныя производятся заочно. Тамъ все приходское духовенство—избирательное, и потому духовнаго юношества никогда не было, нѣтъ и не будетъ; въ священники избираются и рукополагаются грамотные и благонравные міряне въ лѣтахъ, указанныхъ вселенскими соборами, а не какъ у насъ,—въ двадцать лѣтъ. На Востокѣ, хотя и не вездѣ, существуютъ епархіальные проповѣдники, которые своимъ даромъ слова замѣняютъ неумѣніе приходскаго духовенства проповѣдывать слово Божіе; почему бы и у насъ не установить особыхъ пресвитеровъ учащихъ, которымъ, по апостолу, подобаеть особая честь? Тамъ особые духовники исповѣдуютъ людъ Божій и, какъ говорятъ тамошніе, зарабатываютъ епитра-

хилью, переходя отъ села до села; почему бы и у насъ не установить ихъ? Тамъ нѣтъ дьяковъ и пономарей: ихъ замѣняютъ поселяне и горожане, и потому въ каждой деревнѣ, въ каждомъ городѣ дѣти обучаются грамотѣ. Словомъ сказать, есть значительная разность въ церковномъ управленіи на Востокѣ и Сѣверѣ.

Митрополитъ гласно одобрилъ избирательность духовенства, а о прочихъ предметахъ умолчалъ.

Дорогою отецъ ректоръ сказалъ мнѣ: „Вы очаровали владыку. Никогда и ни съ кѣмъ онъ не сидѣлъ такъ долго послѣ обѣда. Вы обаяли его своими рассказами“. Въ этотъ разъ (отвѣтилъ я), рѣчь моя была полна и правильна оттого, что нѣсколько разъ приходилось мнѣ говорить о Востокѣ въ Константинополѣ у посланника нашего, въ Одессѣ у друзей, въ Харьковѣ у преосвященнаго Иннокентія. Бритва чѣмъ болѣе точится, тѣмъ острѣе становится; такъ рѣчь, чѣмъ чаще повторяется, тѣмъ болѣе совершенствуется“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ посѣщенія Филарета, Порфирій былъ вечеромъ у преосвященнаго викарія Іосифа (Богословскаго). Во время продолжительной бесѣды Порфирій между прочимъ говорилъ: Восточное духовенство умѣло приучить православныхъ мірянъ къ покорности (послушанію) ему. Вотъ тому доказательства. Повелѣли Цареградскіе патріархи, по тѣснымъ обстоятельствамъ, читать въ алтарѣ тихомолкомъ моленія объ оглашенныхъ, дабы сократить литургію, и никто не прекословилъ имъ. Вселенскій владыка Германъ, котораго я засталъ въ 1843 году, предписалъ всѣмъ своимъ архіереямъ громко сказывать ектеніи объ оглашенныхъ, потому что миновало тяжелое для христіанъ время; и всѣ, клиръ и народъ, единодушно отвѣтили: да будетъ. Въ томъ-же году исправлены были Греческія служебныя минеи такъ, что цѣлыя реченія прежнія замѣнены въ нихъ новыми, будто-бы лучшими; и отъ того никакого раскола, даже никакого волненія не было въ клирѣ и народѣ. Православные въ каждомъ селѣ и городѣ своимъ иждивеніемъ содержатъ приходскія училища и гимназіи, а въ большихъ городахъ, Константинополѣ, Александріи, Смирнѣ—больницы и богадѣльни, своимъ епископамъ и митрополитамъ охотно вносятъ не только положенный годовой сборъ съ cadaго дома, но и почетный подарокъ деньгами при каждой смѣнѣ архіереевъ. Извѣстно, что Цареградскіе патріархи, при вступленіи въ должность свою, даютъ огромное количество денегъ Турецкимъ властямъ. Съ кого же они берутъ ихъ? Съ митрополитовъ, а митрополиты съ подвѣдомыхъ имъ епископовъ, епископы же съ народа по раскладкѣ, соображенной съ богатствомъ или бѣдностью епархій. И такъ, и въ этомъ случаѣ вся тяжесть вноситъ

падаетъ на народъ; но онъ безропотно несетъ ее (ради блага душъ своихъ), исполняя долгъ свой. Подите вы, владыка, постучитесь въ двери Русаковъ, составляющихъ вашу паству и попросите себѣ (святого) годового подаянія или почетнаго подарка; получите? Дастся вамъ? Ни. Почему же? Да потому, что наше правительство отдалило народъ нашъ отъ архипастырей, давая имъ скудный хлѣбъ насущный. Этой ошибки нѣтъ въ Восточной церкви. Даже тогда, когда еще существовало Греческое царство, и тогда служащіе алтарю питались отъ алтаря, а не отъ государева казначейства, и были достаточны, имѣя свои дома и свое хозяйство и живя народомъ, съ народомъ и для народа. Восточные архіереи, обзрѣвая свои епархіи, въ селахъ посѣщаютъ каждый домъ и каждую овцу глашаютъ по имени. Такою близостию ихъ къ народу отчасти объясняется непрекословное повиновеніе имъ мірянъ. Во всѣхъ четырехъ патріархатахъ священники избираются изъ среды народа, и потому народъ слушаетъ тѣхъ, которыхъ самъ поставилъ своими вождями, а вожди эти, пользуясь народнымъ общимъ довѣріемъ къ себѣ, имѣютъ ту смѣлость, какой не имѣемъ мы, никѣмъ незванные въ церковь (семинаристы и академисты), смѣлость дѣлать нововведенія въ (уставѣ церковномъ) чинѣ богослуженія.

Затѣмъ Порфірій сѣтовалъ, что въ Россіи мало архіерейскихъ кафедръ, что ихъ должно быть столько же, сколько есть уѣздныхъ городовъ. Далѣе Порфірій говорилъ, что церковные доходы, вѣнчиковые, свѣчные и другіе должны оставаться собственностью церквей. Викарій возразилъ: но вы знаете, что эти доходы идутъ на содержаніе духовныхъ училищъ, семинарій и академій.

— Знаю, но желаю и требую, чтобы у насъ не было этихъ лишнихъ учрежденій.—Лишнихъ? Но откуда же вы возьмете священниковъ? Оттуда, откуда выбирали ихъ апостолы и откуда избираются они и теперь на Востокъ, то есть изъ среды грамотныхъ, честныхъ и зажиточныхъ поселянъ и горожанъ.—Но они не умѣютъ проповѣдывать Слова Божія?—А развѣ всѣ священники проповѣдывали въ церкви апостольской? возразилъ я. Не всѣ. Припомните: апостоль Павелъ отличалъ пресвитеровъ священнодѣйствующихъ отъ учащихъ и этимъ придавалъ честь сугубую. Пусть же и у насъ будутъ особые пресвитеры учащіе, и только учащіе, но не совершающіе никакихъ требъ. Они будутъ проповѣдывать въ городахъ и селахъ. Одного проповѣдника достаточно на десять селъ. Жалованья же каждому дать изъ казны 1000 рублей въ годъ.

— Стало бытъ, всетаки нужны семинаріи и академіи для образованія проповѣдниковъ?—Я переименовалъ бы ихъ въ училища благо-

вѣстниковъ или проповѣдниковъ, помѣстилъ бы въ нихъ небольшое число готовящихся къ проповѣданію, такъ, напримѣръ, 25 человекъ для пяти епархій, предполагая, что на первый разъ изъ наличныхъ священниковъ найдутся способные проповѣдывать, тысячи двѣ-три, и даль бы этимъ готовящимся направленіе вполне духовное и даже одежду духовную. Изъ сонма ихъ Духъ Божій избиралъ бы и епископовъ достойныхъ.—Прекрасно. Но семинаристы всетаки образованнѣе вашихъ грамотныхъ поселянъ, и, слѣдовательно достойнѣе алтарей. Владыка! Алтарей достойны не кимвалы звенящїе (а больше же молчащїе), а такіе христіане, которыхъ вѣра, благочестіе и добродѣтельное житіе краснорѣчивѣе всякой проповѣди. Но таковы ли семинаристы, эти новички въ добродѣтеляхъ, состарѣвшїеся въ порокахъ еще во время обученія?—Здѣшняя семинарія благонравна, сказалъ викарій.—А Бѣлгородскую ректоръ ея называлъ мнѣ буйною (и высказалъ, что честная чета позднимъ вечеромъ не можетъ спокойно возвратиться домой съ дальней прогулки, побаиваясь, какъ бы не разлучили ее семинаристы). Когда учреждена была семинарія въ Одессѣ, тогда отчислили въ нее духовныхъ воспитанниковъ изъ Екатеринославля и Кишинева. Я принялъ ихъ, но скоро узналъ отъ семинарскаго врача, что онъ лѣчитъ ихъ, разумѣется не всѣхъ, отъ Венерической болѣзни, нѣчто такое, о чемъ и говорить не хочется.

Послѣ минутнаго молчанія я продолжалъ: „Наше духовенство есть каста, и какъ каста имѣетъ прирожденные пороки. Ежели въ средѣ его и являются блестящїя дарованія, то сила ихъ ослабляется узкимъ образованіемъ и направленіемъ душъ въ одну сторону,—къ колокольнымъ. Наставники семинаристовъ и академистовъ большею частью мало-свѣдуши и вялы, а которые побойчѣе и повольнодумнѣе, тѣ даютъ имъ зачатки ложнаго знанія и губятъ въ нихъ вѣру, насажденную благочестивыми матерями ихъ. У кого изъ нихъ есть природное краснорѣчіе, у того оно, стѣсненное школьными формами, правилами, или нѣмѣетъ, или не имѣетъ сильнаго вліянія на общество, которое можетъ быть чаруемо, увлекаемо, спасаемо не искусственными хрїями и силлогизмами, а словомъ естественнымъ, живымъ, пламеннымъ какъ огонь, шумнымъ какъ дубрава, благоухающимъ какъ цвѣтникъ, словомъ разумнымъ, сердечнымъ, такимъ, въ которомъ слышится глубокое знаніе человѣческаго сердца и духовныхъ потребностей общества. А семинаристы и академисты наши, отдаленные отъ общества, развѣ имѣютъ такое знаніе? Въ христіанской церкви никогда не существовала Левитская каста. Іоаннъ Златоустъ, Василій Великій, Августинъ и другіе не были поповичи и не отъ отцевъ своихъ наслѣдовали алтари и ка-

оёдры. Николай Чудотворецъ, Лукіанъ пресвитеръ и другіе не учились въ такихъ академіяхъ, каковы наши. И въ Русской церкви, до учрежденія семинарій, были же священники и архіереи. Но откуда Богъ возводилъ ихъ на спудъ, да свѣтять міру? Изъ семействъ мірскихъ.

Когда православные христіане не сами избирають своихъ пастырей, а равнодушно принимаютъ ихъ изъ среды поповскаго сословія, котораго духовные недостатки имъ извѣстны, и когда они видятся съ ними только въ тѣ часы, въ кои нужны имъ кадило, кропило, деревянное масло, заступъ могильный, тогда они утрачиваютъ даръ и навыкъ узнавать потребныхъ имъ вождей духовныхъ, вождей мудрыхъ, святыхъ. А такой даръ и навыкъ существовалъ въ древней церкви и опытами, позвольте сказать, изощрялся. Амвросій Медиоланскій былъ солдатъ-губернаторъ; но народъ провидѣлъ въ немъ руководителя къ небу и не ошибся. Благовѣрный Іустиніанъ послалъ графа Ефрема въ Антиохію возстановить упавшія отъ землетрясенія стѣны сего города, а тамошніе христіане провидѣли въ немъ учительнаго и святаго пастыря и возвели его на святительскую кафедру. Жалѣю объ утратѣ такого предвидѣнія.

По вашей идеѣ, заговорилъ викарій, духовенство должно быть избирательное. Куда же намъ дѣвать семинаристовъ, дьячковъ, пономарей? Живые пусть живутъ, а по блаженномъ успеніи ихъ, вѣчный покой подаждь имъ, Господи! вмѣсто же ихъ пусть читають и поють въ церквахъ прихожане, какъ это ведется у матери нашей церкви Восточной. Чтò касается до семинаристовъ, то имъ найдутся мѣста при архіерейскихъ кафедрахъ, нуждающихся въ даровитыхъ проповѣдникахъ, въ монастыряхъ, въ судилищахъ, въ медицинскихъ академіяхъ, въ университетахъ и полкахъ. Чтò дѣлать! Лихорадка лѣчится горькою хиною.

Ваши идеи произведутъ полный переворотъ въ нашей церкви.

— Но не такой, какой произойдетъ въ ней отъ сокращенія у насъ числа приходовъ и духовенства.—Это сокращеніе предпринято съ доброю цѣлію.—Съ какою?—Хотятъ улучшить бытъ духовенства назначеніемъ ему денежныхъ окладовъ и этимъ способомъ обратить его къ исполненію прямыхъ обязанностей его.—Итакъ, ваше духовенство будетъ имѣть золото и серебро; но, богатое, сможетъ ли оно тогда исцѣлять больныхъ? сказалъ я улыбаясь. Отъ лѣности и гордости сытаго попа, а также въ случаѣ болѣзни его самого, либо жены, либо дѣтей его, младенцы будутъ умирать безъ крещенія, а хилые старцы и недужные безъ напутствія св. причастіемъ, въ отдаленныхъ отъ его села дерев-

няхъ. Отъ сего произойдетъ охлажденіе къ нему паствы, а за охлажденіемъ послѣдуетъ обращеніе ея въ расколъ или ересь. Размноженіе же отщепенцевъ не опасно ли для цѣлости церкви и имперіи?—Боже сохрани насъ отъ этого зла!—Ужели всѣ святители наши согласны на уменьшеніе числа нашего духовенства?—Каменецъ-подольскій архіепископъ Арсеній просилъ Св. Синодъ оставить приходы въ епархіи его въ прежнемъ числѣ въ предотвращеніе пропаганды Католиковъ. Просьба его уважена.—Свѣтлый умъ у него! А скажите, владыка, какъ распространяются у насъ ереси!

— Очень просто, но удачно. Есть у насъ ремесленники, которые ходятъ по деревнямъ и цѣлые мѣсяцы работаютъ тамъ на семьи. Ежели ремесленникъ еретикъ, скажемъ, духоборецъ, то онъ принимаетъ на себя личину степенности, благонавія, набожности. Случится: въ домъ, гдѣ онъ работаетъ, кто-нибудь скажетъ гнилое слово, или напьется пьянъ, или поссорится съ кѣмъ: онъ начинаетъ вздыхать, молиться, увѣщевать словами Св. Писанія. Сначала не обращаютъ на него вниманія, а во второй и третій разъ слушаютъ его съ любопытствомъ. Благосклонность семьи выиграна! Начинается снятіе плевеловъ.

— Такъ вотъ кто у насъ апостолы! Портные, сапожники, коврытели лаптей! Кто же преодолѣетъ ихъ въ деревняхъ и деревушкахъ, находящихся въ глуши, когда у насъ будетъ еще менѣе духовенства?

— Къ сожалѣнію, наши хотя-не-хотя прикрываютъ ереси мужиковъ своихъ, боясь лишиться ихъ въ случаѣ доноса на нихъ; ибо ихъ могутъ угнать на поселеніе въ Сибирь.

— Итакъ, этими тайными путями ереси расползутся по всей Россіи? Жаль. Но не скорбѣтъ объ этомъ надобно нѣтъ, надобно зажечь многочисленные свѣтильники въ нашемъ отечествѣ. У насъ во тьмѣ шостають дивніи звѣри, ища добычи себѣ. Хотите ли истребить ихъ? Приготовьте многихъ духовныхъ пращниковъ.

Затѣмъ говорилъ я о возстановленіи у насъ патріаршества, о соборованіи многочисленныхъ епископовъ, объ упраздненіи духовныхъ правленій и консисторій и предоставленіи судебной власти однимъ архіереямъ и совѣтамъ при нихъ, состоящимъ изъ лицъ мірекихъ и духовныхъ, о возвращеніи имѣній епископіямъ и монастырямъ, объ упраздненіи Министерства Народнаго Просвѣщенія и учебнаго чиновничества и о подчиненіи всѣхъ училищъ патріарху и синоду его, о сооруженіи храмовъ Божіихъ въ каждой деревнѣ. Но не всякое слово въ строку“.

Этотъ разговоръ происходилъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ. Но развѣ чиновные монахи, зная цѣну „воскриліямъ одеждъ своихъ“, согла-

сятся послѣдовать совѣту умнаго Порфирія, котораго они всячески преслѣдовали всю его жизнь. Они отлично помнят апокалипсическое изреченіе: „держи что имѣешь, дабы никто не восхитилъ вѣнца твоего“. Владыки, изъ племени Левитова, особенно многосемейные Литовцы, стоятъ далеко отъ своей паствы и, занятые личными дѣлами, они во всякомъ возраженіи, какъ бы оно справедливо ни было, видятъ только легкомысленную критику: *pereat ecclesia, fiat nostra voluntas* *).

19 Октября Порфирій пріѣхалъ въ Петербургъ. На синодальномъ Митрофановскомъ подворьѣ, пишетъ онъ, мнѣ не дали прежняго уголка, котораго я просилъ у г. Сербиновича письмомъ 11-го Октября. Тутъ архіепископъ Курскій Иліодоръ съ своею челядью раскинулся широко и ясновельможно. Не нашлась мнѣ, труженику, особая келья и въ Александро-невской лаврѣ. Такъ отеческое начальство заботится о своемъ избранникѣ, котораго само послало на Востокъ! Идя по лаврѣ въ келью добраго товарища моего по академіи, архимандрита Аввакума, я повѣсилъ свою голову, начавшую маленько сѣдѣть на многотрудной семнадцатилѣтней службѣ, и въ облегченіе туги своего сердца припоминалъ слова Христовы: лиси язвыны имуть, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити.

Архіеп. Иліодоръ былъ типичный представитель епархіальной власти первой половины XIX в. Сынъ Калужскаго священника, онъ тотчасъ же по окончаніи курса въ Московской академіи принялъ монашество, былъ ректоромъ Рязанской и Новгородской семинарій. Въ 1832 г. хиротонисанъ въ епископа Курскаго, гдѣ и пробылъ до 1860 г. Уволенный Св. Синодомъ на покой въ Бѣлоградскій Троицкій монастырь, онъ скончался въ 1861 г. Сдѣланный въ 1847 г. членомъ секретной комиссіи по дѣламъ о раскольникахъ и отступникахъ отъ православія, онъ отличался особой ревностью въ этихъ дѣлахъ, жестокостью и мздоимствомъ. Ему за помѣщеніе въ Бѣлградскомъ кафедральномъ соборѣ вмѣстѣ съ иконами портрета Государя былъ сдѣланъ высочайшій выговоръ, снятый потомъ по особому ходатайству Св. Синода. Будучи неважнымъ проповѣдникомъ, онъ однако свои произведенія печаталъ; но всѣ они за исключеніемъ слова о четырехдесятицѣ, по мнѣнію автора „Обзора Русской духовной литературы“, архіепископа Филарета Гумилевскаго, „слабы и по мысли, и по выраженію“.

Въ Курской семинаріи онъ оставилъ тоже недобрую славу. На него ходило немало семинарскихъ эпиграммъ, одъ и т. п. сатирическихъ семинарскихъ произведеній. Испытывая гнетъ и несправедли-

*) Гибни церковь, исполнись наша воля.

вость, семинаристы, конечно, имѣютъ отвращеніе къ своему учебному заведенію и, какъ писалъ Ростиславовъ, оставляютъ духовное званіе почти всегда послѣ жестокой борьбы съ идеями, господствующими въ духовенствѣ и его училищахъ, и выносятъ съ собою большой запасъ анекдотовъ, въ которыхъ выражается узкій и даже непріязненный взглядъ семинарскихъ духовныхъ начальствъ на жизнь, на людей, на міръ, на образованность. Разумѣется, объ этомъ не молчатъ не только на словахъ въ разговорѣ съ знакомыми, но и въ литературныхъ статьяхъ. Энергическіе ратуютъ противъ тѣхъ порядковъ, вслѣдствіе которыхъ они, не смотря на свои умственные и нравственные достоинства, или даже изъ желанія поддержать эти достоинства, оставили духовное званіе. Эти-то люди часто съ замѣчательными способностями, съ непереломимою энергіею, испытавши умственный и дисциплинарный гнетъ въ семинаріяхъ, расплачиваются за нихъ на просторѣ щедрою рукою. Они-то знакомятъ и литературу и свѣтское общество съ закулисными подробностями жизни семинарій и духовенства.

Но вотъ еще одно обстоятельство, которое сильно вооружаетъ литературу противъ духовенства. Для литераторовъ естественно желать, если не полной, то уже не очень стѣсненной свободы отъ цензурныхъ тисковъ, по крайней-мѣрѣ въ статьяхъ, относящихся къ сочиненіямъ ученыхъ и произведеніямъ изящной литературы. Недостатокъ такой свободы отнимаетъ у нихъ, такъ сказать, насущный хлѣбъ и потому они не могутъ же любить тѣхъ людей и тѣ идеи, въ которыхъ встрѣчаютъ неумолимое тупое и постоянное препятствіе къ свободному выраженію мыслей объ ученыхъ и литературныхъ предметахъ. Но почему-то утвердилось мнѣніе, что духовенство принадлежитъ къ самымъ суровымъ противникамъ хоть какой-либо свободы книгопечатанія. Мнѣніе это подтверждается и частными примѣрами: по существующимъ постановленіямъ и цѣлымъ сочиненіямъ, и даже небольшіе отрывки изъ нихъ, относящіеся къ богословію и духовенству, нужно представить на разсмотрѣніе комитетовъ духовной цензуры. И свѣтская цензура, конечно, не очень благопріятствуетъ полной свободѣ книгопечатанія, но она зорко слѣдитъ больше всего за политикою; на ученыхъ же, научныя изслѣдованія часто смотритъ очень снисходительно, тогда какъ духовная преимущественно преслѣдуетъ научныя идеи. Неудовольствіе, которое отъ такихъ преслѣдованій рождается въ литературѣ, легко оправдывается во имя дорогихъ для человѣчества интересовъ, во имя науки, ума, преуспѣянія. Къ врагамъ просвѣщенія, къ противникамъ прообразованности, къ стѣснителямъ ума пробудить ненависть въ образованномъ человѣкѣ дѣло нетрудное.

Но есть еще обстоятельство, которымъ враги духовенства имѣютъ полное право оправдывать свое неуваженіе къ нему. Извѣстно, что наши епархіальные начальники еще пользуются большимъ значеніемъ не только въ народныхъ массахъ, но и въ среднихъ и высшихъ классахъ, конечно, съ исключеніями. Если бы они были внимательны, привѣтливы и дружелюбны къ нашимъ пастырямъ, если бы поступали съ ними не какъ съ рабами неключимыми, а какъ съ своими сотрудниками, съ своими сослужителями предъ престоломъ Всевышняго, какъ съ возлюбленною о Христѣ братією, то и паствѣ могли бы внушить уваженіе къ своимъ подчиненнымъ, по крайней мѣрѣ, не подавали бы ей повода оправдывать свое неуваженіе къ нимъ.

Примѣръ владыки, который дружелюбно бесѣдуетъ съ священниками, а къ заслуженнымъ изъ нихъ относится даже съ почетомъ, подѣйствовалъ бы на помѣщиковъ, чиновниковъ, купцовъ и особенно на крестьянъ. Но я уже объяснилъ, въ какихъ отношеніяхъ находятся всѣ священно-и-церковнослужители къ архіереямъ. Позвольте только кое-что напомнить. Вотъ напр., мірянинъ заглянулъ въ архіерейскій домъ, когда тамъ собираются духовныя лица. Тутъ онъ видитъ, какъ они въ грязной, нетопленной передней, или въ сѣняхъ на лѣстницѣ, даже подъ открытымъ небомъ на дворѣ стоятъ, прислонившись къ стѣнѣ, или присѣвши на полъ, на окно, на приступокъ лѣстницы, на какой-либо столбикъ (стульевъ, даже скамейки для нихъ не полагается). Тутъ онъ видитъ, какъ архіерейская сволочь грубо подталкиваетъ даже священниковъ, или не думаетъ быть вѣжливою передъ ними: съ какимъ подобострастіемъ и униженіемъ многіе духовные еще заискиваютъ милости у этой подлой сволочи четвертаками, цѣлковыми, или, за недостаткомъ ихъ, поклонами. Но вотъ является дворянинъ, чиновникъ, купецъ, даже богатый извѣстный домохозяину крестьянинъ; ихъ примутъ тотчасъ въ залу, побесѣдовать съ ними часъ и болѣе, тогда какъ ихъ отецъ духовный стоитъ тамъ въ подачѣ*), или въ сѣняхъ, уже часа два, да еще, можетъ быть простоять столько же. Но вотъ дошла очередь и до духовенства; дается аудіенція или всѣмъ, или каждому порознь. Любопытные міряне и тутъ увидятъ, какъ ихъ пастырей угощаютъ не очень почетными привѣтствіями, встрѣчаютъ неласково, выслушиваютъ неблагосклонно, какъ духовныя лица, подавляемая гордостью начальства своего, застрашенные, униженные, еще болѣе унижаются своею лестію, прислужничествомъ, поклонами. Мірянинъ можетъ также увидать, какъ (конечно не вездѣ,

*) Т. е. гдѣ подаются прошенія.

а по мѣстамъ) не дьячка, а даже священника осуждали, можетъ быть и за вину, на черную работу, заставляли чистить дорожки, мести дворъ, возить щебень, землю и пр.; и какъ тоже вовсе безъ вины, хоть не вездѣ, но и не въ одномъ мѣстѣ, причетники, вѣроятно, уже изъ милости, по нѣскольку мѣсяцевъ въ архіерейскомъ дому, прежде своего посвященія въ стихарь, отправляютъ должность дворниковъ, истопниковъ, носятъ воду, колютъ дрова, собираютъ навозъ въ кучи и пр. Все это дѣлается извѣстнымъ не только тѣмъ, которые сами видятъ, но и тѣмъ, которые отъ нихъ услышатъ. Впрочемъ, чтобы міряне, не имѣющіе возможности заглядывать въ архіерейскіе дома и видѣть, въ какомъ почетѣ находится тамъ духовенство, чтобы они не усумнились въ дѣйствительности рассказовъ, для этого, вѣроятно, между прочимъ, учреждены архіерейскіе объѣзды по епархіямъ. Тутъ ужъ міряне не въ одиночку, а цѣлымъ городомъ, цѣлымъ приходомъ, цѣлымъ міромъ могутъ подслушать, какъ ихъ батюшекъ, на подобіе ребятишекъ, экзаменуютъ въ знаніи катехизиса, а иногда въ умѣнь пѣть и даже читать, какъ въ ожиданіи этого экзамена духовенство цѣлаго уѣзда, или цѣлаго благочинія въ городѣ близъ квартиры владыки, на дворѣ ея, по улицѣ, а въ деревнѣ по двору помѣщичьяго дома, въ передней, безъ шапокъ похаживаетъ, а иногда почитываетъ, т. е. зазубриваетъ катехизисъ; какъ тутъ частенько при помѣщикѣ, при лакеяхъ валомъ повалятся и священники, и дьяконы, и весь причтъ церковный при выходѣ къ нимъ важной особы, а она обойдется съ ними, какъ съ лакеями, разбранить, настрашаетъ; какъ для умилостивленія разгнѣванной особы кто-нибудь одинъ, или всѣ міромъ-соборомъ еще повалятся въ ноги, станутъ на колѣни и пр., и пр. Какъ угодно, господинъ читатель, когда міряне узнаютъ о всѣхъ подробностяхъ обращенія епархіальныхъ властей съ духовенствомъ, развѣ станутъ уважать его? Развѣ не поведутъ между собою такой рѣчи: „если такъ честитъ поповъ нашихъ самъ владыка, то вѣрно они не стоятъ уваженія, вѣдь онъ ужъ лучше нашего ихъ знаетъ“. Эта-то причина, по моему мнѣнію, даже одна, можетъ внушить паствѣ неуваженіе и презрѣніе къ своимъ пастырямъ, если бы даже не было и другихъ къ тому побужденій. Присоедините сюда ненависть и злобу раскольниковъ, недовольство прихожанъ отъ поборовъ, нравственные и умственные недостатки самого духовенства, презрѣніе къ нему образованнаго класса, неблагопріятные отзывы литературы о немъ, тогда еще подивитесь не тому, что оно большею частью не уважается, а тому, что еще встрѣчаемъ примѣры заслуженнаго и искренняго уваженія къ отдѣльнымъ лицамъ изъ него. Тогда невольно еще подумаешь: „нѣтъ, вѣроятно, много еще есть въ духовенствѣ людей, ко-

торые, не смотря на всѣ неблагопріятныя обстоятельства, на устарѣлое и бесполезное ихъ школьное образованіе, на печальную обстановку ихъ жизни, на административный гнетъ, который надъ ними тяготѣетъ, на униженіе, которому подвергаетъ его само начальство, — не смотря на все это, есть люди съ высокими нравственными качествами, съ свѣтлымъ умомъ, съ благородною душею, кторые внушаютъ и поддерживаютъ уваженіе къ себѣ и не даютъ еще цѣлому сословію своему подпасть окончательному презрѣнію“.

— Да, дѣйствительно есть еще такіе люди.

Вспоминая лаврское негостепріимство, Порфирій на другой день заноситъ въ свой дневникъ: „Птицы небесныя имѣютъ свои гнѣзда, звѣри лѣсные и полевые свои логовища; даже у червяковъ есть свои норки. Одинъ я не имѣю своего уголка. Боже мой! Когда ты посылаешь ангеловъ, этихъ служебныхъ духовъ, на служеніе людямъ, они вѣрно исполняютъ волю Твою, но, исполнивъ ее, возвращаются въ свои обители, кои Ты далъ имъ по милости и правдѣ Твоей. Эту истину знаютъ преосвященные начальники мои. Но почему не руководствуются ею? Или потому, что забываютъ ее въ своихъ не бѣдныхъ, раззолоченныхъ теремахъ, или потому что ангелы летятъ всегда мимо этихъ теремовъ, и живущіе въ нихъ не получаютъ отъ нихъ святыхъ внушеній.

— Чернецъ! Ты—не ангель, скажутъ они.

Антоніи, Иліодоры, Гедеоны, сіятельные графы и превосходительныя чины! И вы же не боги; ибо нѣтъ въ васъ правды, милости и провидѣнія. Долой же съ пьедесталовъ!

Ахъ! эти мраморныя статуи вооружены крѣпко. Не могу я расшибить и испепелить ихъ. Нѣтъ у меня перуновъ. Но есть адамантовое перо. Пишу имъ на челахъ ихъ:

„Это—камни, но не тѣ, изъ которыхъ Богъ можетъ воздвигнуть себѣ чадъ.

Цѣлую тебя перо мое. Письмена твои неизгладимы во вѣки вѣковъ.

Благовѣстятъ къ обѣднѣ. Иду въ церковь каяться и благодарить Бога за все.

*

Разговаривая съ Олонцкимъ архіепископомъ Венедиктомъ *) о состояніи Православныхъ церквей на Востокѣ, Порфирій рассказалъ ему, какъ у одного властнаго и зажиточнаго Турка на островѣ Критѣ издохла любимая собака; онъ позвалъ къ себѣ мѣстнаго священника и

*) Венедиктъ Григоровичъ † 1850 г. 7 Декабря.

приказалъ похоронить ее по Христіанскому обряду. Священникъ, хотя нехотя, исполнилъ его приказаніе. Бѣдный, злополучный попъ припалъ къ ногамъ Турка и, поцѣловавъ полу его кафтана, умолилъ его идти къ владыкѣ и у него испросить ему прощеніе. Турокъ положилъ нѣсколько денегъ на тарелочку, пошелъ къ архіерею и, входя въ комнату его, согнулся въ дугу, а тарелочку держалъ на головѣ своей. Архіерей увидѣлъ на ней деньги и смекнулъ, что они назначены ему. Когда же Турокъ сталъ просить его о помилованіи священника, тотъ отвѣчалъ ему: „Я наказалъ попа не за то, что онъ отпѣлъ твою собачку, а за то, что меня не пригласилъ на похороны ея“. Наказаніе было отмѣнено всѣ были сыты, и волки, и овцы.

Графъ Протасовъ, оберъ-прокуроръ Св. Синода, къ которому явился Порфирій, спросилъ:

— Скажите мнѣ, каковъ мужской монастырь въ Одессѣ?

— Этотъ младенецъ развивается туго.

— Всѣ монахи тамъ пьяницы, сказалъ графъ тономъ недовольства.

— Не знаю. Во время моего настоятельства тамъ почти всѣ были трезвы.

— Архимандритъ Никодимъ и послѣ него Израиль отмѣтили ихъ въ послужныхъ спискахъ пьяницами.

— Кто же виновать, ваше сіятельство?

— Монахи и настоятель.

— Невиновно ли чье-нибудь постановленіе о монахахъ?

— Какъ!

— Постригающіеся въ монашество, по уставу, даютъ Богу обѣтъ быть во всю жизнь свою нестяжательными; а по штату имъ назначаются денежные оклады изъ государственнаго казначейства и выдаются доходы изъ церковной кружки. Удивительно ли же, что нѣкоторые изъ нихъ относятъ ихъ въ питейные дома? Сдѣлайте всѣ монастыри строго общежительными, и пьянство прекратится въ нихъ.

— Почему же нѣтъ пьяницъ въ здѣшней Сергіевой пустынѣ, хотя она штатная? Потому что настоятель управляетъ ею какъ должно.

— Онъ безвыходно живетъ въ своей обители, а Одесскій настоятель—въ Херсонской семинаріи. Безъ начальника же строй не бываетъ. При томъ архимандритъ здѣшней пустыни принимаетъ въ нее монаховъ по выбору; а въ прочіе монастыри наши поступаютъ слѣпые, да наказанные архіереями за пьянство.

Графъ замолчалъ и смотрѣлъ на меня пристально.

Къ знаменитымъ придворнымъ дамамъ, Потемкиной, Тизенгаузенъ и Фредериксъ, пишетъ Порфирій, я не являлся, потому что изъ Азіатскаго Департамента чрезъ архимандрита Аввакума было дано мнѣ знать, чтобы я не видѣлся съ набожными старушками, которыя молятся въ дворцовой церкви: онѣ могутъ-де сдѣлать насиліе министру Нессельроду. Благоразуміе присовѣтовало мнѣ отложить до поры-до времени посѣщеніе названныхъ дамъ. Я про себя разсудилъ такъ: кончу дѣловыя записки мои, представлю ихъ предержащимъ и потомъ посмотрю: если чего не добудеть мое перо, авось пріобрѣтеть то языкъ мой въ теремахъ набожныхъ старушекъ.

Гмъ! Придворныхъ старушекъ боится канцлеръ! Почему бы ему страшиться ихъ, коль скоро онъ правъ предъ Востокомъ? Анъ видно, онъ молится не на Востокъ, а на Западъ.

Дневникъ свой за 1846 г. Порфирій заканчиваетъ такъ:

Р. S. Родственница графа Протасова, Софья Дмитріевна Лаптева, урожденная княжна Горчакова, духовная дочь моя, говорила мнѣ, что въ нашемъ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ называютъ меня дипломатомъ въ Св. Синодѣ. Она же предупредила меня, чтобы я предъ Протасовымъ не надѣвалъ на себя личины святоши и чтобы не боялся его, а говорилъ бы ему смѣло все, что надобно высказать ему. „Онъ трусь“, присовокупила она.

Ростовъ Ярославскій. 1910 Іюль 10.

Андрей Титовъ.

